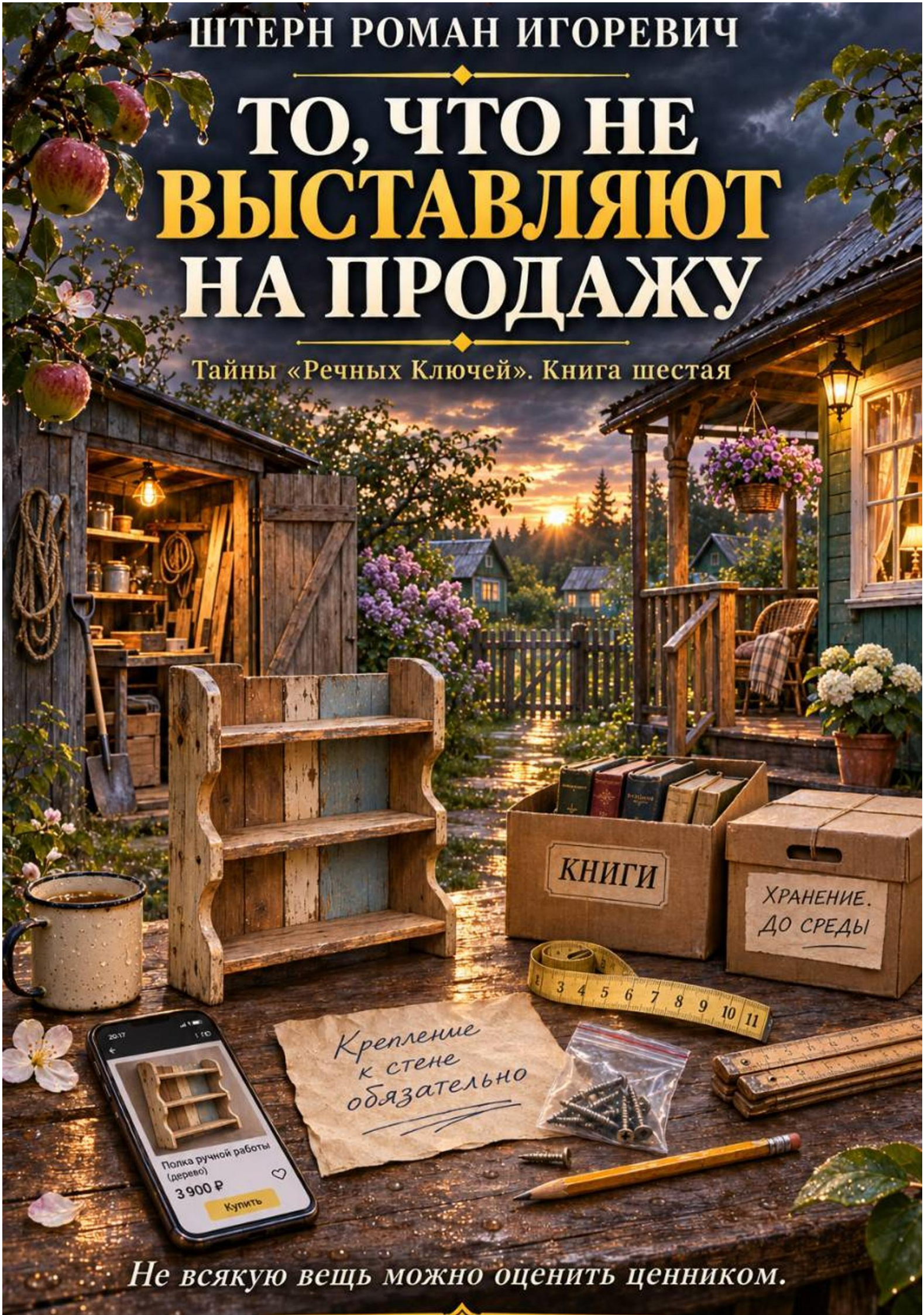
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ

ТО, ЧТО НЕ ВЫСТАВЛЯЮТ НА ПРОДАЖУ

Тайны «Речных Ключей». Книга шестая

Не всякую вещь можно оценить ценником.

Роман Штерн

То, что не выставляют на продажу

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

То, что не выставляют на продажу / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

Аркадий Лунёв собирается продать старую полку, но соседская распродажа в «Речных Ключах» оборачивается новым делом. Исчезают дешёвая рамка, вышитая салфетка, самодельные значки и книги с дарственными надписями. Затем находят убитым оценщика, обещавшего раскрыть ценность этих вещей. Вместе с Верой и Семёном Аркадию предстоит восстановить путь пропаж и выяснить, почему чужое прошлое оказалось важнее денег.

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Полка не по размеру 6
Глава 2. Под одним навесом 14
Глава 3. Что осталось на столе 22
Глава 4. Книги не из одного шкафа 30
Глава 5. За мать 38
Глава 6. Цена собрания 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Роман Штерн
То, что не выставляют на продажу

От автора

Мне хочется поблагодарить Вас лично: за то, что из множества книг Вы открыли именно эту. Для меня это не мелочь. Спасибо за доверие, и пусть чтение доставит Вам удовольствие.

Глава 1. Полка не по размеру

Аркадий вынул нижний ящик, поставил на дорожку и попробовал повернуть полку боком. Она прошла между верстаком и дверью, но дальше зацепилась крючком за мешок. Из мешка посыпались короткие обрезки шланга.

Он остановился, удерживая полку коленом. Дверь сарая, которую всё утро приходилось подпирать, медленно поехала ему навстречу.

— Только тебя не хватало.

Дверь упёрлась в плечо. Аркадий вытянул ногу, поддел носком деревянный клин и загнал его под нижний край. Теперь можно было снять мешок с крючка.

Полка была узкая, высокая, из разных досок. Слева — крашеная боковина от старого стеллажа, справа — сосновая, потемневшая возле сучка. Когда-то Аркадий собрал её для банок с крепежом. Банки постепенно сменились ящиками, потом на верхнем ярусе поселилась коробка с насадками, а сбоку он привинтил крючок для переноски. Каждый раз становилось удобнее хранить ещё одну вещь и немного труднее войти в сарай.

В апреле он сделал над верстаком новую неглубокую полку. На неё уже переехали отвёртки, свёрла и две коробки с шурупами. Старую оставалось убрать. За неделю Аркадий переставил её трижды.

Сегодня он решил поставить её в дальний угол. Для этого пришлось вынести ящики, снять с гвоздя пилу и вытащить сложенные козлы. В углу полка встала хорошо. Правда, теперь не открывался длинный ящик верстака.

Аркадий потянул его до упора, посмотрел на оставшиеся пять сантиметров и задвинул обратно.

С улицы донёсся голос Марины:

— Пап, ты там один разговариваешь?

— Пока да. Помощников нет.

Она заглянула в сарай.

— Что держать?

— Дверь. Сейчас вынесу.

Вдвоём они провели полку через проём. Марина придержала мешок, а Аркадий поставил своё сооружение на сухие плиты возле стены. На боковине осталось светлое пятно: там много лет висела переноска.

— Это на распродажу? — спросила дочь.

— Если вымою.

— А что с ней не так?

— Не по размеру.

Марина посмотрела на сарай.

— Она же у тебя давно.

— Размер сарая тоже не вчера изменился.

Он вернулся за ящиками. В пустом проходе можно было развернуться, не втягивая живот и не боясь локтем задеть пилу. Аркадий перенёс козлы к стене, открыл верстачный ящик до конца. Внутри лежали струбцины, длинная линейка и деревянный брусок, который он искал перед Пасхой.

Брусок оказался цел. Он положил его наверх.

Марина принесла из дома ведро.

— Воды немного. Ты говорил, у тебя тряпки в пристройке?

— Под раковиной. Серую возьми.

— Серых три.

— Которая для грязного.

Она задержалась в дверях, потом молча показала ему все три. Аркадий выбрал одну.

Они приехали с Михаилом за складными стульями: Марина договорилась взять их на два дня и теперь ждала, пока сын закончит разговор. Он ходил возле яблони с телефоном у уха, второй рукой прижимая к боку тонкую папку.

— Перевозка понадобится? — спросила она. — Если покупатель без машины, могу посмотреть, когда получится.

— Сначала покупателя найду. До семьдесят второго на тележке довезём.

— Хорошо. Только не обещай за меня субботу. У меня смена.

— Не обещаю.

Марина наклонилась, проверяя ножку одного из стульев. Аркадий намочил тряпку и провёл по боковине полки. Серая вода сразу потекла вниз. Под грязью обнаружились карандашные чёрточки: две рядом, одна выше, возле самого края. Цифры он сперва принял за размеры, потом разобрал год.

Две тысячи седьмой.

Тогда в нижнее отделение не входила коробка с новым инструментом. Аркадий снял поперечину, передвинул её на три сантиметра и весь вечер сердился на себя за то, что сначала просверлил, а потом примерил. Лишние отверстия остались рядом с винтами. Он собирался заделать их деревянными пробками, но коробка закрывала боковину, и дело потеряло срочность.

Теперь коробки не было, а отверстия были.

— Сколько хочешь? — спросила Марина.

— За что?

— За полку.

Он ещё раз протёр цифры.

— Доски тогда почти ничего не стоили. Эту от стеллажа взял, эту покупал вместе с вагонкой. Уголки отдельно.

— Покупателю, наверное, не нужны все чеки.

— Чеков нет.

— Я не про чеки.

Аркадий поставил ведро в сторону и взялся за верхнюю перекладину. Не шаталась. Нижний винт справа надо было подтянуть; он сходил за отвёрткой.

Марина больше о цене не спрашивала. Проверила второй стул, сложила оба и пошла относить в машину.

Михаил закончил разговор и подошёл к полке.

— Дед, ты её с ящиками продаёшь?

— Без. Ящики нужны.

— Тогда на снимке их не надо.

— Я ещё не снимал.

— Могу снять. Только от стены чуть отодвинем, а то кажется, что она к ней прибита.

Аркадий согласился. Они поставили полку так, чтобы в кадр не попадали ведро и высыпавшиеся шланги. Михаил присел, посмотрел на экран.

— Крючок оставляем?

— Пока да.

— Он в цену входит или это отдельная комплектация?

— Снимай целиком.

Михаил сделал кадр, показал деду. Полка получилась выше и беднее, чем была в сарае. На свету особенно заметно различались доски.

— Нормально, — сказал Аркадий. — Только справа тень.

— Солнце справа. Я её убрать не могу, но размеры ты напишешь.

Он отправил снимок и убрал телефон.

— А у тебя что за папка? — спросил Аркадий.

— По мастерской. Сегодня подтвердили, что в понедельник пустят. Только станок другой будет.

— Тот, который разгоняется?

— Они все разгоняются. Этот просто дольше. Я сейчас уточнял, когда можно стоять рядом и когда нельзя.

— Запишешь что хотел?

— Не всё. Зато работа у них настоящая будет.

Аркадий кивнул. Михаил вернулся к машине, открыл папку на капоте и стал что-то исправлять карандашом. Звать его ещё раз ради теневой стороны полки не имело смысла.

Перед отъездом Марина заглянула в открытый сарай.

— Вот теперь туда можно войти.

— И раньше можно было.

— Да. Но сперва требовалось спросить разрешения у полки.

Она обняла его на прощание, не забыв отвести от себя мокрую тряпку в его руке. Михаил поднял ладонь из машины.

Аркадий проводил их и вернулся к работе. На освобождённой стене сарая осталось несколько крепёжных петель. Полка без них стояла, но при нагрузке сверху могла качнуться. Он нашёл подходящие винты, сложил в маленький пакет и привязал к перекладине. Покупателю надо будет объяснить, что её следует закрепить.

Потом измерил высоту, ширину и глубину: сто тридцать восемь, сорок шесть, двадцать три. Записал на обороте старого списка покупок. Ниже оставил место.

Вместо цены написал: «Крепление к стене обязательно».

* * *

У Веры на веранде стояли четыре коробки. Три были открыты, четвёртая — заклеена полосой бумажного скотча, на котором крупно значилось: «КНИГИ».

— Очень содержательная надпись, — сказал Аркадий.

Вера вышла из дома с ножницами.

— Я тоже оценила. Поднимите пока ту, что возле двери. Только проверьте дно.

Он подхватил коробку снизу. Она была тяжёлая, но не набита до отказа; между книгами лежал сложенный лист картона.

— Куда?

— На стол. Эти я уже перебрала. В субботу повезу к Инге.

Аркадий перенёс коробку. Вера сняла сверху два тома, раскрыла один посередине и положила обратно, обложкой вверх.

— Эти бесплатно?

— В обменный ящик. Можно брать без своей книги, я напишу. А то опять станут приносить что-нибудь ненужное только для допуска.

— Тогда это не обмен.

— Шкаф так называется. С книгами можно быть менее строгим, чем с вагонами.

Он улыбнулся и взялся за вторую коробку.

— Эта тоже?

— Нет. Здесь Людмила Фёдоровна хочет продать. Пять книг, цены внутри. Пока оставьте у стены.

Вера села на край стула и надписала плотную карточку. Аркадий видел её почерк вверх ногами: «Продажа. Владелец…» Она остановилась, перечеркнула последнее слово и написала имя Рощиной.

— Номер телефона снаружи не будем, — сказала она. — Пусть спрашивают за столом.

— А закрытая?

— Сейчас узнаем.

Вера набрала номер. Пока ждала ответа, Аркадий отодвинул коробку от края: скотч уже отошёл на углу, под ним виднелась зелёная обложка.

— Ольга, добрый день. Я про книги. Вы оставили коробку, а я не поняла, что с ней делать… Да, помню, что до выходных. Но до этих или следующих?.. Нет, я не тороплю. Просто в субботу вывозим обмен к Мартыновой.

Она выслушала ответ и посмотрела на Аркадия.

— Тогда оставляю закрытой. До среды. На распродажу не поедет.

После звонка Вера сняла с коробки прежнюю полоску и приклеила новую: «Хранение. До среды».

— Ольга хотела освободить место перед окном, пока меняют подоконник. Не отдавала книги.

— Хорошо, что спросили.

— И хорошо, что она ответила. Иначе бы всё равно оставила.

Аркадий перенёс коробку в указанный угол. Между ней и стеной оставалось место для воздуха. С улицы потянуло прохладой; Вера накинула на плечи жилет, висевший на спинке.

— Вы сегодня ели? — спросила она.

— Ел.

— Что?

— Это второй вопрос.

— На первый вы иногда отвечаете авансом.

Он признался, что завтракал. Вера достала из шкафа тарелку с двумя кусками пирога, накрытую перевёрнутой миской.

— Тогда один ваш. Потом понесём остальное.

Они ели стоя у стола. Начинка была капустная, с яйцом; край пирога подсох, и Вера отломила его отдельно.

— В городе остался ваш шарф, — сказал Аркадий.

— Я знаю. В следующий раз возьму.

— Положил на полку.

— Не на блюдце?

Он посмотрел на неё. Вера невозмутимо стряхнула крошки в ладонь.

— Блюдце занято.

— Значит, хозяйство налаживается.

Аркадий отнёс тарелку на кухню. По пути заметил, что дверца узкого шкафчика под столешницей цепляет край линолеума. Возле неё лежала короткая отвёртка с красной ручкой.

Когда он вернулся, Вера складывала ножницы и скотч в выдвижной ящик стола. Внутри было почти пусто.

— Можно я тут свой набор оставлю? — спросил он. — Маленький. Отвёртки, ключи. Всё равно сюда ношу.

— Не надо.

Он придержал крышку коробки, которую собирался закрыть.

— Мешать будет?

— Будет. Я этот ящик для другого освободила. И отвёртка у меня есть.

— Там разные насадки.

— Для моей дверцы пока хватает одной.

Аркадий кивнул.

— Тогда принесу, когда понадобится.

Вера задвинула ящик и взяла карточку для обмена.

— А с дверцей можете сегодня помочь? Я верхний винт пробовала подтянуть, но она всё равно задевает. Только сначала посмотрите. Не хотелось бы сразу всё снимать.

Он пошёл на кухню. Дверца просела немного; петля не была сломана, но винт прокручивался. Аркадий не стал давить сильнее.

— Тут просто подтянуть не получится. Отверстие разбито. У меня есть деревянные вставки. Принесу завтра, если вы будете.

— До двух буду. После уеду.

— В одиннадцать?

— Подойдёт.

Он положил её отвёртку туда, где взял. Вера тем временем нашла невысокую подставку для книжного ящика.

— Вот это у Инги поставим на отдельный стол, — сказала она. — Чтобы не искать по всему двору, где бесплатное.

— Стол у неё найдётся?

— Проверим. Если нет, возьму свой складной.

— А мои складные стулья сегодня увезли.

— Я знаю. Марина вчера спрашивала, можно ли к вам заехать до обеда. Вы ей не отвечали.

— Телефон был в доме.

— Я так и сказала. Ничего за вас не назначала.

Аркадий поднял последнюю коробку. Снаружи она выглядела маленькой; внутри оказались альбомы.

— Вот эту одну не понесу.

— И не надо. На тележке отвезём. Сейчас к Инге только поговорить.

Он опустил коробку. Вера взяла сумку и проверила, положила ли очки. Они спустились с веранды. У калитки Аркадий снял с её рукава бумажный обрезок.

— Вы себе сегодня что-нибудь оставили?

— Книгу. В обмен не пойдёт.

— Хорошая?

— Ещё не дочитала.

Она привычно поправила ворот его рубашки и коротко поцеловала у края усов. Потом первой вышла на дорожку.

* * *

Инга Петровна Мартынова встретила их с рулеткой на шее.

— Вы вовремя. У меня тут стол не проходит, а по числам должен.

В дверях дома застрял кухонный стол, повёрнутый боком. Две ножки уже были снаружи, две оставались в прихожей. Инга обошла его и постучала ладонью по раме.

— Я ширину мерила. Про это утолщение забыла.

— Скатерть снимем, — сказал Аркадий.

— Она не мешает.

— Зато не будем держаться за ткань.

Они сняли скатерть, чуть вернули стол внутрь и повернули под другим углом. Вера придержала дверь. Через минуту стол стоял во дворе, а Инга растирала ладонь, прижатую к косяку.

— Вот. На этом моя посуда будет. Людмиле Фёдоровне дам другой. Она обещала привезти немного, но у неё «немного» каждый раз разного объёма.

Двор на семьдесят втором был достаточно просторным, хотя вдоль забора уже стояли два стула, узкая тумба и снятая с петель дверца. Под навесом сохли вымытые решётки от плиты. Инга убрала их в сторону, освобождая столешницу.

— Три субботы хочу сделать, — сказала она. — За один раз не разберусь. И людям не всем удобно одновременно.

— А потом жильцы? — спросила Вера.

— Если договоримся. На июнь смотрят две семьи. Одним нужна стиральная машина, другим — чтобы собаку можно. Машина у меня есть. С собакой ещё разговариваем.

— Дом целиком?

— Целиком. Я в городе останусь, сюда буду приезжать по делам. Участок продавать не хочу, а содержать его пустым тоже не получается.

Она открыла дверь летней кухни.

— Вот здесь оставим коробки до субботы. Только проход к раковине не занимать. Я ещё шкаф мою.

В помещении пахло мылом и нагретым деревом. У окна стоял стол, на нём — таз с тряпками, стопка газет и чашка, в которой Инга держала кисточки. В углу громоздились коробки. На одной было написано «ТЁТЯ», на другой — «ПОСУДА, НИЗ».

Аркадий поставил у стены принесённую из Вериного дома пустую подставку. Инга подвинула таз, чтобы показать свободный край стола.

— Если пойдёт дождь, бумагу сюда. Но лучше сначала под навес. Здесь быстро тесно станет.

— Книги в закрытые коробки, — сказала Вера. — Они и от сырого воздуха набирают.

— С книгами вы сами. Я буду путаться.

Инга провела их в дом. В большой комнате возле стены стоял платяной шкаф. Одна дверца была открыта, за другой виднелись старые одеяла и несколько картонок.

— Этот продаю. Жильцам оставлю другой, поменьше. А то двуспальную кровать поставить некуда.

— Хороший шкаф, — сказал Аркадий.

— Хороший. Только жить здесь будет не шкаф.

На подоконнике лежал лист с перечнем: замок в санузел, сетка, смеситель, матрас. Напротив двух строк стояли суммы, возле остальных — вопросы.

Инга заметила его взгляд.

— Матрас уже заказала. Смеситель Антон сказал не покупать на глаз, сначала соединения посмотрит. Не всё от распродажи зависит, конечно. Но если шкаф и посуда уйдут, хоть часть расходов закрою.

Во дворе щёлкнула калитка. Пришла Галина с планшетом и матерчатой сумкой, из которой торчал край противня.

— Я на пять минут. Противень не мой, это вернуть. Где можно поставить?

Инга указала на скамью.

— Только не к продаже. Я уже один раз чуть не продала соседский удлинитель.

Галина поставила сумку под скамью и открыла планшет.

— Текст принесла. Сразу говорю: «благотворительная ярмарка» убрала.

— Кто предложил? — спросила Вера.

— Само получилось. Красиво помещалось в заголовок.

— А деньги?

— Вот поэтому и убрала. Каждый продаёт своё, деньги получает сам. Кто хочет — потом взнос платит, кто хочет — матрас покупает.

— Я хочу и то и другое, — сказала Инга.

— Все хотят. У меня взнос и новая садовая тачка. Старая теперь может возить только то, что не жалко рассыпать.

Галина повернула экран. В объявлении были адрес, время и перечень: мебель, посуда, хозяйственные вещи, книги. Внизу отдельной строкой стоял бесплатный книжный обмен.

Аркадий прочёл дважды.

— С девяти?

— Для продавцов с девяти, для покупателей с десяти. Иначе нам не расставиться.

— Полку привезу к половине десятого.

— Какую?

Он показал снимок Михаила. Галина увеличила изображение.

— Для рассады можно?

— Глубина двадцать три сантиметра.

— Я не про себя. Спросят же.

— Можно, если ёмкости подходят. И к стене закрепить.

Инга показала место возле навеса.

— Здесь поставим. До стола метр останется, пройти можно. Только у меня стена обшита, крепить не будем. На день поставим без нагрузки, чтобы никто сверху не навалился.

Аркадий согласился. На снимке полка уже не выглядела частью его сарая, а здесь для неё и вовсе нашлось другое назначение прежде, чем она приехала.

— Ещё вопрос, — сказала Галина. — Матвей Долин просит маленький стол. Он предварительную оценку делает. Старые книги, посуда, всякое такое. Написал мне после первого объявления.

— Платно? — спросила Вера.

— По договорённости. Я уточнила, чтобы не получилось, что всем бесплатно обещаем.

— Тогда так и написать.

Галина показала нижний абзац:

— «Консультации оценщика Матвея Долина — по предварительной договорённости с ним». Номер он разрешил поставить.

— От правления его не приглашали? — спросил Аркадий.

— Нет. Я с ним созвонилась, Инга место согласовала. Правление нам оценщика не нанимает.

— Место есть, — сказала Инга. — Но коробки у меня после него оставаться не должны. И пусть сам людям объясняет, что берёт, а что только смотрит.

Вера предложила не ставить оценочный стол рядом с бесплатными книгами. Они передвинули подставку к другому краю навеса. Инга принесла мел и провела на плитах короткую черту там, где должен был кончаться стол.

— Вот сюда ещё Людмилин поставим. Если дождь боковой, придётся сдвигаться.

— Вещи подписать бы, — сказал Аркадий. — Хотя бы на коробках.

— Подпишем. Но не каждую чашку, — ответила Инга. — Я до субботы спать хочу.

Галина внесла в объявление просьбу подготовить ценники и сообщить заранее, кому понадобится стол. Потом задержала палец над экраном.

— Зоя спрашивала, не написать ли, что распродажа поможет оплатить обследование.

— Нет, — сказала Вера. — У кого-то поможет. Но это не сбор товарищества.

— Я так ей и ответила. Просто людям непонятно: вариант дороги отменили, а платить опять надо.

Инга убрала рулетку с шеи.

— Мне понятно. Вода от отмены бумаги не потечёт куда положено.

— Возврат денег пока тоже только ждём, — сказал Аркадий. — На него покупки не распланируешь.

— Вот именно, — отозвалась Инга. — Я жильцам не могу предложить подождать со смесителем до возмещения.

Галина ещё раз прочла текст вслух. Убрала слово «общая» перед распродажей, оставив «соседская», и отправила объявление в канал.

Почти сразу пришёл вопрос, можно ли привезти детский велосипед.

— Можно, если свой и увезёте непроданный, — продиктовала Инга. — Последнее обязательно.

Галина стала печатать. Вера тем временем записала, какой стол возьмёт и сколько коробок привезёт. Аркадий добавил в свой лист время: суббота, девять тридцать.

Инга сложила скатерть и повесила на спинку стула.

— Теперь хоть понятно, с чего начинать. Сегодня шкаф освобожу.

Они вышли вместе с Галиной. У поворота Вера свернула к себе: ей ещё предстояло дозвониться Рощиной и уточнить цены на пять отложенных книг. Аркадий пошёл домой один.

Полка стояла у стены, уже сухая. На вымытой боковине карандашный год стал бледнее, но не исчез. Аркадий провёл пальцем по двум лишним отверстиям, затем убрал в сарай ведро и тряпку. Проход оставался свободным.

На кухне он положил телефон возле чашки и открыл снимок. Вписал размеры, указал, что ящики не продаются, крепёж приложен. На строке с ценой задержался.

Восемьсот рублей казались слишком большим запросом за разные доски. Пятьсот — почему-то слишком маленьким. Аркадий написал шестьсот, прочёл всё объявление с начала и исправил высоту: в первый раз пропустил единицу.

Цену не изменил.

Он отправил снимок Галине с разрешением добавить к объявлению. Потом налил себе чай и нарезал хлеб. Телефон отозвался прежде, чем он успел сесть.

Галина переслала первый вопрос: «Высота точно 138? А нижнюю часть можно укоротить? Мне в нишу».

Аркадий посмотрел через окно на полку. Нижнюю часть укоротить было можно. Потребовалось бы снять перекладину, отпилить обе боковины и заново поставить крепления — как раз ниже его старых карандашных отметок.

Он начал писать: «Она делалась для…»

Остановился и стёр.

«Высота 138. Укоротить возможно, но нижнюю перекладину придётся переставить».

Ответ ушёл. Аркадий положил телефон рядом с чашкой. Покупатель ещё ничего не обещал; он пока только проверял, подойдёт ли ему чужая полка.

Глава 2. Под одним навесом

На повороте полка съехала с тележки на два пальца. Аркадий остановился, подтянул ремень и увидел, что ценник зажат между доской и колесом.

— Шестьсот уже не видно, — сказал Семён. — Только нули остались. Хорошее начало торговли.

— Подержите сверху.

— Держу. Ты её привязал, как рельс.

— Рельс не цепляется крючком за заборы.

Тележку Семён одолжил у соседа и привёл к половине девятого, хотя Аркадий просил без двадцати девять. Объяснил, что разница пригодится на случай разговора. Она и пригодилась: возле третьей калитки их остановили, чтобы спросить, не собирается ли Аркадий выносить следом верстак.

Во дворе Инги уже стояли столы. Один, возле навеса, был накрыт клеёнкой; другой, раскладной, Людмила Фёдоровна Рощина придерживала ногой, пока пыталась застегнуть снизу металлическую распорку. Семён оставил ручки тележки Аркадию и подошёл к ней.

— Не туда давите. Дайте я.

— Я туда давлю. Он в машине сложился не до конца.

Они вместе повернули стол. Распорка вошла с таким звуком, будто сломалась.

— Теперь хорошо, — сказала Рощина.

— По звуку не скажешь.

— Он так двадцать лет работает.

Полку поставили у стойки навеса и привязали к ней, чтобы никто, проверяя прочность, не опрокинул на себя. Аркадий расправил ценник. Сверху написал покрупнее: «Крепить к стене». Семён посмотрел и кивнул, словно только после этого соглашался допустить вещь к продаже.

Инга вышла из дома с подносом. На нём теснились чашки, две сахарницы и небольшие настольные часы. Часы она сразу сняла.

— Эти отдельно. Не из сервиза.

— А они показывают сервизное время? — спросил Семён.

— Они ходят. И бьют. Только ночью не отключаются, предупреждаю заранее.

Инга поставила рядом ценник — две тысячи четыреста. Под сервизом лежал другой: три тысячи шестьсот. Аркадий помог ей раздвинуть чашки, чтобы носик чайника не упирался в ручку соседней.

— Жалко? — спросил он.

— Вчера было. Сегодня я этот поднос третий раз несу. Уже меньше.

На другом конце стола стояла жестяная коробка с любительскими значками. На одном под прозрачным выпуклым кружком был нарисован трамвай, на другом — лодка с красным парусом. Надписи шли неровно, буквы не всегда помещались по окружности. Коробку Инга оценила в сто рублей целиком.

Рядом она расстелила вышитую салфетку. По двум сторонам шёл широкий ажурный край, третья была подогнута узко и прострочена белой ниткой.

— Это так и должно быть? — спросил Аркадий, помогая расправить угол.

— Нет, здесь, видите, иначе сделано. У тётки под вазой лежала, этой стороной к стенке. Я ничего исправлять не стала.

Она приколола к бумажке цену — восемьдесят рублей — и положила её не на вышивку, а сбоку.

Рощина тем временем устроила на своём раскладном столе кофейную пару, два маленьких кашпо и рамку с открыткой. На открытке светлел дом у воды; по краю тёмно-коричневой

рамки шёл тонкий золотистый ободок, местами стёртый. Людмила Фёдоровна подложила под неё сложенный лист: ножки сзади не было, стоять сама рамка не хотела.

— Пятьдесят, — сказала она, заметив взгляд Аркадия. — С открыткой. Без открытки тоже пятьдесят.

— Цену надо написать.

— Уже написала. Она под ней.

— Так не видно.

— Поднимут — увидят. Не стекло же мне заклеивать.

Аркадий удержался от предложения поставить отдельную карточку. На своём ценнике он исправил загнувшийся угол и пошёл помогать Вере.

Она принесла только две коробки и невысокую подставку. Бесплатные книги лежали слева, пять Рощининых — справа, каждая со своей закладкой и ценой. Коробки, оставленные у Веры на хранение, сюда не попали.

— Дверца держится? — спросил Аркадий, принимая подставку.

— Держится. Вчера специально открыла с кастрюлей в руке.

— Зачем с кастрюлей?

— Без неё всё всегда удобно.

Он поставил подставку у стены. Вера вынула из кармана кусочек шнура и привязала к ручке бесплатной коробки яркую ленту.

К десяти часам во дворе стало тесно. Не шумно, как на собрании, а тесно от чужих задач: одному требовалось поставить сумку, другой хотел отойти подальше и посмотреть на стул целиком, третья женщина пришла с рулеткой и всё время просила не трогать начало ленты.

Первой продали эмалированную кастрюлю. Хозяйка показала скол снаружи, покупательница провела пальцем по внутреннему дну, спросила, входит ли крышка, и заплатила двести рублей.

— Я в ней раньше компот варила, — сказала хозяйка.

— А я буду огурцы солить.

— Тогда вам и крышка не нужна.

— Нужна. Чтобы кот не думал.

Кастрюля ушла вместе с крышкой.

Мужчина в синей ветровке долго осматривал полку Аркадия. Приложил ладонь к нижнему ярусу, измерил расстояние между досками, потом достал из кармана свёрнутый лист.

— У меня банки выше. Вот такие.

— Верхнюю полку можно переставить.

— А среднюю?

— Тоже можно.

Мужчина снова заглянул в лист.

— И глубины не хватает.

Аркадий помолчал.

— Глубину переставить нельзя.

— Да, жаль. Сделана крепко.

Он ушёл к садовым горшкам. Аркадий обнаружил, что держит в руке приготовленный пакет с крепежом, хотя показывать его уже некому.

У Инги стоял незнакомый мужчина лет под пятьдесят, в серой куртке с расстёгнутым воротом. Он выбрал простую светлую рамку — не Рощинину, а ту, что лежала у Инги возле подноса, — и спросил, можно ли вынуть заднюю вставку.

— Можно. Только усики не отломите. Сто рублей.

Мужчина отогнул два металлических язычка, поднял тонкий задник и посмотрел, как держится стекло.

— Под А4?

— Под него. Там раньше лист с цветами был.

Он приложил к рамке сложенную пополам бумагу, развернул её и убедился, что размер подходит.

— Рабочее свидетельство хочу поставить. В отделе всё время перекладывают. Куплю рамку — может, хотя бы перестанут использовать как закладку.

— Положить можно, — сказала Инга. — Ножка цела.

Он вернул задник на место, прижал язычки и отсчитал сто рублей. Инга написала в тетради: «Рамка светлая — 100, наличные», поставила короткую чёрточку.

— Вам завернуть?

— Спасибо, у меня папка жёсткая.

Мужчина убрал рамку в широкий портфель. Когда повернулся, Инга представила его Аркадию:

— Константин Викторович Серебряков. Из города к нам. А это Аркадий Сергеевич Лунёв, полка его.

— Приятно познакомиться. Я с сестрой собирался, но она сегодня не смогла. Алина Зимина. Младшая сестра по матери, отцы у нас разные. Мама знала здесь несколько семей, Алина всё хочет приехать посмотреть.

— Участок ищет? — спросила Инга.

— Нет, не участок. Скорее знакомых. Мама давно сюда не ездила, потом и вовсе… В общем, мы не всех знаем.

Он не стал продолжать, и Аркадий не спросил. У калитки в это время застрял мужчина с плетёным креслом: покупку было удобно нести перед собой, но поворот между столом и забором оказался слишком узким.

Константин поставил портфель на сухую скамью.

— Этот край стола можно сдвинуть?

— Там чашки, — предупредила Инга.

— Я вижу. Не поднимать, только на ладонь в сторону.

Аркадий взялся с другой стороны. Константин дождался, пока Инга придержит поднос, и они осторожно подвинули стол. Кресло прошло.

— Теперь вернём, — сказал Аркадий.

— Пока оставьте. У вас ещё вон тот стул купят — опять двигать.

Он оказался прав: через несколько минут стул понесли тем же путём.

***

Дождь начался с крупных редких капель, которые поначалу никто не принял всерьёз. Инга только перенесла часы глубже под навес. Рощина наклонила голову над кофейной парой, проверяя, не попала ли вода в чашки.

Потом по клеёнке застучало сразу часто.

— Бумагу убираем! — крикнула Вера.

Аркадий успел подхватить коробку с бесплатными книгами прежде, чем промок нижний угол. Вера указала на скамью у стены летней кухни.

— С лентой сюда. Продажные — ко мне, не ставьте вместе.

Рощина снимала вещи со своего стола, но в одной руке у неё уже были кашпо, а в другой — раскрытый пакет, который ветер надувал вместо того, чтобы дать наполнить.

— Людмила Фёдоровна, рамку возьму?

— Возьмите. И чашку с блюдцем. Только не за ручку, там старая трещинка.

Аркадий прижал рамку к боку, подхватил кофейную пару снизу. На стекле уже было несколько капель; он повернул его вниз.

— На мой стол ставь, — сказала Инга. — Возле салфетки свободно.

— Это Людмилино.

— Я знаю. Потом разберём.

Он положил рамку с открыткой на стол Инги под навесом, рядом поставил чашку. Вера, прижимая к груди пять книг Рощиной, посмотрела на освободившееся место.

— Книги рядом положить?

— Не надо, здесь с крыши подтекает, — ответила Инга. — Вон за подносом суше.

Вера протёрла клеёнку рукавом старой куртки, положила книги и накрыла их прозрачным пакетом. Рощина принесла кашпо и поставила у самого края.

Продавцы и покупатели сошлись под навесом. На мокром раскладном столе остались два садовых совка и фарфоровая фигурка с отбитым ухом; за ней никто не побежал. Аркадий вернулся за собственной полкой. Козырёк прикрывал только её верх, а на нижней доске уже собирались тёмные точки.

Он отвязал ремень, повернул полку и едва не задел человека, стоявшего с плоским чемоданом в руке.

— Простите.

— Ничего. Здесь можно пройти к Инге Петровне?

— Сейчас освобожу.

Незнакомец отступил в дождь, чтобы Аркадий мог развернуться. На нём была тёмно-зелёная куртка; на плече висела сумка, набитая до округлости, но застёгнутая аккуратно, без торчащих бумаг.

Галина помахала ему из-под навеса.

— Матвей! Вот сюда. Ваш стол пока занят людьми.

— Это правильное применение стола в такую погоду.

Он поставил чемодан под скамью и пожал Аркадию руку.

— Долин. Мы заочно знакомы по объявлению.

— Лунёв.

— Ваша полка?

— Моя. Но оценивать не нужно.

— Тогда я уже сэкономил вам время.

Долин улыбнулся и повернулся к Инге, которая пыталась вытянуть край клеёнки из-под сахарницы. Аркадий занялся полкой: на верхней перекладине осталась вода, а тряпку он забыл у себя. Вера протянула ему небольшое полотенце.

— Это для стола. Можно и вашу вытереть.

— Потом постираю.

— Положите вечером к моим рабочим тряпкам. Не надо устраивать ему отдельную жизнь.

Аркадий вытер полку, аккуратно прошёлся возле ценника. Покупательница с рулеткой подождала, пока он закончит, и попросила разрешения измерить ширину ещё раз.

— В объявлении сорок шесть.

— Всё верно.

— У меня сорок пять с половиной между трубой и стеной.

Он посмотрел на полсантиметра, оставшиеся на ленте.

— Не войдёт.

— Если бок снять?

— Тогда придётся иначе собирать.

— Вы бы могли?

Аркадий почти ответил, что мог бы. Потом представил свою полку снова на верстаке — теперь уже для чужой ниши, — и сказал:

— Сейчас на переделку не возьмусь.

Женщина не обиделась. Свернула рулетку, поблагодарила и попросила Ингу отложить ей два кашпо, если дождь закончится и можно будет сходить за сумкой.

— Кашпо Людмилы Фёдоровны, — сказала Инга. — Вон она, у двери.

Дождь шёл минут десять. За это время под навесом успели продать кофейную пару, поспорить, есть ли разница между «бесплатно» и «даром», и выяснить, что у одной из продавщиц пакеты с дырками не от старости, а потому, что в них возили рассаду.

Долин устроился у своего столика, когда люди немного разошлись. Женщина принесла к нему серебристую ложку. Он спросил разрешения посмотреть клеймо, достал маленькую лупу и повернул ложку к свету.

— Выкупаете? — спросила она.

— Сегодня нет. Могу объяснить, что вижу. Если понадобится отдельная оценка, сначала договоримся, для чего она вам.

— Мне для цены.

— Тогда начнём с простого.

Аркадий слышал только начало. Его позвали придержать тент: на провисшем углу скопилась вода, и Инга боялась, что она выльется на сервиз. Вдвоём с Семёном они подняли край, слили воду на свободную землю. Семён промочил рукав и ушёл домой переодеться, обещав вернуться за тележкой.

Когда Аркадий снова оказался у навеса, Долин уже разговаривал с Ингой.

— От одной хозяйки всё осталось?

— Нет. Посуда моя, часы муж привёз. А в этой части — тёткины вещи. Разобрала только одну коробку, ещё есть.

— Она здесь жила?

— Летом. У неё раньше другой участок был.

— Если будете остальное приносить, не выбрасывайте записки, даже короткие. Иногда по ним понятнее, откуда вещь.

— Я пока вообще ничего не выбрасываю, — сказала Инга. — Поэтому у меня две комнаты не открываются.

Долин посмотрел на вышитую салфетку, спросил, сама ли тётка вышивала. Инга ответила, что не знает. Рощина, стоявшая по другую сторону стола, сказала, что раньше такое часто дарили на новоселье, но про эту она ничего не помнит.

Долин не стал настаивать.

— А вашу рамку можно посмотреть? — обратился он к Рощиной.

— Смотрите. Пятьдесят рублей. Стекло целое.

Он поднял рамку с открыткой, взглянул на лицевую сторону, потом перевернул.

— Давно она у вас?

— Давно. Там ничего ценного. Обычная.

— Обычные тоже бывают разные.

Аркадий отошёл к калитке: пришёл человек, спрашивавший в объявлении про полку, и хотел сначала убедиться, что её не продали. Оказалось, он пришёл не покупать, а уточнить для жены, можно ли привезти полку в город.

— У меня машины нет, — сказал Аркадий. — Сам доставку не обещаю.

— Понятно. Мы тогда подумаем.

Пока они говорили, дождь кончился. Сетка забора блестела мелкими каплями; дорожка между столами стала скользкой. Константин, уже с портфелем, придержал калитку для женщины с кастрюлей, попрощался с Ингой и вышел следом.

Аркадий вернулся под навес. Рощина сложила свой раскладной стол, чтобы он подсох у стены. Её вещи остались у Инги.

— Обратно не понесёте? — спросил он.

— Зачем? Сейчас опять накрапает. Мы здесь друг другу не мешаем.

Под пакетами виднелись ценники; чашек стало меньше, кашпо ждали покупательницу. Аркадий снял мокрую кепку и повесил на свой крючок. Потом вспомнил, что полка продаётся, и переложил кепку на скамью.

***

После двух посетители стали приходить по одному. Вера закрыла бесплатную коробку от новых брызг: с крыши ещё капало, хотя небо посветлело. Две Рощинины книги были проданы, деньги Вера сразу передала хозяйке. Остальные оставила у себя, как они и договаривались.

Инга позвала Аркадия в дом — помочь выдвинуть нижний ящик шкафа. Покупатель стоял рядом и держал снятую дверцу за оба края.

— Он не сломан, — объясняла Инга. — Разбухал немного. После зимы туго.

Аркадий придержал корпус. Покупатель потянул ровнее, ящик вышел. Внутри лежали бумажные пакеты и моток бельевой верёвки.

— Сам шкаф хороший, — сказал мужчина. — Только сегодня мне его не на чем.

Он назвался Игорем и открыл в телефоне сообщение перевозчика.

— В следующую субботу после четырёх могут. Раньше у них другой заказ. Вам подойдёт?

Инга оглянулась на окно: из дома было видно, как по двору несут последнее купленное кресло.

— Подойдёт. Только точно на той неделе. У меня кровать сюда должна встать.

— В половине пятого постараются быть.

— Постараются — это не приедут, — сказала она. — Позвоните им.

Игорь позвонил. Пока ждал ответа, Инга вынула пакеты из ящика, потом остановилась.

— Вы пока всё вынимать не заставляйте. Что на хранении, я отдельно сложу. Шкаф вы покупаете пустой.

— Мне чужие вещи не нужны.

— Это сейчас вы так говорите. А в прошлый раз стул увезли вместе с моей кофтой.

Перевозчик ответил. Игорь уточнил день, примерный час и необходимость двух человек. Договорились, что утром подтвердят выезд. Инга записала номер, взяла с покупателя оговорённую часть суммы и на отдельном листке указала остаток.

— Вот, посмотрите. Забираете шкаф, две дверцы, четыре полки, два ящика. Зеркало без скола, сами видели.

— Видел.

Аркадий помог вернуть дверцу на место. Вынимать её второй раз до приезда перевозчика не имело смысла.

Когда они вышли, Долин укладывал свои вещи. Он спросил Ингу, будет ли следующая распродажа в то же время, и сказал, что ему ещё звонили насчёт книг.

— Будет, — ответила она. — Только если опять дождь, я столько столов не расставлю.

— Я заранее уточню.

Галина провела его до калитки, продолжая разговор о каком-то настенном блюде. Аркадий услышал, как она спросила, можно ли прислать фотографию, и Долин попросил снять также оборот.

Рощина собирала своё. Она сложила кашпо в сумку, пошарила рукой под пакетом на столе, потом подняла пустую коробку из-под чашек.

— Инга, а рамку ты куда поставила?

— Какую?

— Мою. С домиком.

— Не трогала. Тут была.

Аркадий подошёл.

— Я положил возле салфетки.

Рощина отодвинула поднос, посмотрела за чайником. Инга подняла клеёнку с края, проверяя, не съехало ли что-нибудь между столом и стеной.

— Может, купили? — спросила она.

— У кого? У меня не покупали.

— Я тоже не продавала.

Вера сняла пакет с трёх оставшихся книг.

— Под ними нет. Я сюда только книги положила. Рамку Аркадий Сергеевич принёс раньше, я видела.

Людмила Фёдоровна заглянула в свою сумку, хотя укладывала её сама. Потом вынула кашпо и поставила на землю.

— Смотрите. Здесь тоже нет.

— Не надо всё выкладывать, — сказал Аркадий. — Давайте сначала вспомним, кто её брал посмотреть.

— Оценщик смотрел.

— При вас?

— При мне. Потом я к женщине с кашпо отошла.

Инга выпрямилась.

— Погодите. А салфетка?

На том месте, где лежала вышивка, остался ценник — бумажка с восьмидесятью рублями. Инга потрогала её, словно могла по сырому краю понять, когда салфетку сняли.

— Я её не продавала.

Она проверила коробку под столом, куда складывала снятые ценники и упаковку. Вынула газету, два пакета. Поставила коробку на скамью.

— И значков нет.

Теперь они замолчали. Из-за забора доносился звук газонокосилки, то ровный, то захлёбывающийся на густой траве. Во дворе стало слышно, как часы на столе отсчитывают секунды.

Галина вернулась от калитки.

— Что случилось?

Инга назвала три вещи. Галина сразу достала телефон, но Аркадий попросил пока не писать в чат.

— Сначала проверим, не отложены ли. На сегодня сколько было просьб?

Инга посмотрела в тетрадь. Два кашпо просили отложить, но покупательница за ними не вернулась. Сервиз обещала обдумать женщина с соседней улицы, ничего не откладывала. Светлая рамка утром была продана Константину за сто рублей — запись стояла рядом с кастрюлей и садовыми ножницами, расчёт сошёлся. Рамка с открыткой принадлежала Рощиной и в Ингиных продажах не значилась.

— Я это и говорю, — сказала Людмила Фёдоровна. — Моей здесь нет.

— Сейчас не вас проверяем, — ответил Аркадий. — Пытаемся понять, не приняли ли за другую.

Он с Ингой прошёл к летней кухне. Туда во время дождя занесли несколько пакетов, пустые коробки и табурет. На столе у раковины лежала упаковка для посуды. Рамки среди неё не было; салфеткой никто не накрывал чашки, значки туда не переносили. Вера проверила место, где стояли книги. Рощина ещё раз обошла двор, заглянула под сложенный стол.

К этому времени вернулся Семён за тележкой.

— Может, с покупкой завернули, — предположил он.

— Газеты для этого были, — сказала Инга. — Салфетка лежала отдельно.

— Я не говорю, что нарочно.

— А я пока вообще не знаю, что говорить.

Галина позвонила Долину. Аркадий слышал только её вопросы: не отложил ли кто-нибудь из посетителей рамку, не просил ли передать хозяевам деньги за значки. Потом она повторила названия вещей и сказала, что пришлёт описание.

Закончив разговор, она убрала телефон.

— Он говорит, себе ничего не покупал. Рамку смотрел. Если кто обратится с вопросом о ней, сообщит.

— А салфетку он смотрел? — спросила Рощина.

— Про это я не спросила.

— Спрашивал, кто вышивал, — сказал Аркадий. — Я слышал. Это всё, что могу сказать.

Галина снова открыла телефон, но на этот раз не стала звонить.

— Я напишу, чтобы проверили пакеты. Без слов про кражу.

Инга села на скамью. До этого она весь день не садилась, даже деньги считала стоя.

— Напишите. Только не «потерялось при уборке». А то мне уже сейчас хочется поверить, что я сама куда-то сунула.

Вера поставила рядом с ней пустую коробку и села на её край, не отдавая Инге очередного поручения. Аркадий принёс тетрадь продаж. За каждую утраченную вещь не появилось ни денег, ни договорённости; места, куда переносили товар, они просмотрели. При этом он не мог сказать, кто и когда в последний раз видел все три предмета на столе.

Галина прочла вслух:

— «После сегодняшней распродажи у владельцев отсутствуют тёмно-коричневая рамка с открыткой, вышитая салфетка и жестяная коробка с самодельными значками. Покупка или передача этих вещей пока не подтверждены. Просьба проверить, не попали ли они случайно к вашим покупкам. Владельцы…»

— Телефон мой поставьте, — сказала Инга. — Людмила Фёдоровна, вы не против?

— Не против. Только рамка моя.

Галина добавила это отдельно, показала обеим женщинам текст и отправила. Через несколько минут пришёл первый ответ: покупательница кастрюли проверила пакет, у неё только кастрюля и крышка. Ещё двое написали, что ничего лишнего не взяли. Остальные молчали.

Аркадий снял ценник со своей полки, чтобы не размок окончательно. Он собирался увезти её сразу, но Инга разрешила оставить до утра под навесом: теперь путь к калитке был свободен, и полка никому не мешала. Семён забрал пустую тележку, договорившись завтра вернуть её на час.

Рощина сложила кашпо обратно. Рамку искать было больше негде, и от этого её сумка казалась Аркадию неприлично лёгкой.

Инга начала убирать сервиз. Чашки звякали о блюдца; она остановилась, переложила между ними газету. Часы оставались на прежнем месте и по-прежнему шли.

— Вот это всё оставили, — сказала она. — Часы в руках держали, цену спрашивали. А салфетку никто даже не торговал. Зачем её брать?

Аркадий посмотрел на бумажку с восьмьюдесятью рублями. Она прилипла к клеёнке; он осторожно отделил угол и положил сохнуть.

Ответить Инге он пока не мог.

Глава 3. Что осталось на столе

Инга подняла край клеёнки, и на плиты посыпались две прищепки, сухой лист и монета.

— Вот ещё деньги, — сказала она.

Аркадий нагнулся. Пять рублей, потемневшие с одной стороны. Он положил монету на стол рядом с тетрадью.

— Ничего из трёх не объясняют.

— Я уже боюсь, что сейчас объяснят. Напишут: нашли же выручку, чего жаловались.

Клеёнка за ночь высохла, но снизу осталась влажной. Инга перекинула её через верёвку. Под навесом стало непривычно пусто: вчерашний стол стоял голый, чашки были убраны, от коробок остались светлые прямоугольники на плитах. Полка Аркадия всё ещё держалась ремнём за стойку.

Он пришёл за ней, захватив два куска картона, чтобы не ободрать боковины на тележке. Семён обещал подойти позже: соседу понадобилось сначала перевезти мешки с землёй. Аркадий не возражал. Дома освобождённый проход был хорош, и возвращать туда полку ему не хотелось.

Инга взяла монету, посмотрела и бросила в карман передника.

— Никто не отозвался?

— Мне не звонили.

— Мне двое. У одного в пакете оказалась чужая крышка. Но крышка моя, я сама ему отдала, к ведру подошла. Вторая спрашивала, не нашла ли я перчатку.

Из-за дома вышла Рощина с пустым кашпо.

— Это ещё вчера под столом лежало.

— Перчатка?

— Нет, вот это. Я же его оставляла до утра, а сейчас сама стала думать, не продала ли.

Она поставила кашпо у ног и раскрыла сумку. На дне лежали очечник, кошелёк и сложенный вчетверо лист. Лист Рощина развернула на столе.

— Я дома записала, пока помню. Две книги у Веры проданы, три у неё. Кофейную пару забрали. Кашпо обещала женщине с велосипедом, но она не вернулась. Это не продажа.

— И не пропажа, — сказала Инга. — Стояло за домом.

— Теперь вижу.

Аркадий достал блокнот, но не стал переписывать весь список.

— По рамке что-нибудь вспомнили?

— Пятьдесят рублей. Тёмная, с золотой полоской. Открытка — дом у воды. Ножки сзади нет. Всё я вчера говорила.

— Кто-нибудь просил отложить?

— Нет. Про пару просили. Про рамку — нет.

Инга подвинула тетрадь продаж. Между страницами сохранился размокший ценник салфетки. Бумага высохла волной; восьмёрка расплылась и стала похожа на два нуля.

— Здесь у меня только полученное. А на последней странице — что обещали забрать. Шкаф не вписывайте как оплаченный целиком.

— Я шкаф не вписываю.

— Просто предупреждаю. Игорь вчера спросил, сколько останется отдать. Я ему сумму написала. А потом вспомнила, что мы ещё про доставку говорили. Доставка у них отдельно, не мне.

Она открыла сообщение, проверила собственный ответ и успокоилась. Аркадий отметил в блокноте названия трёх отсутствующих вещей, возле каждого — владельца. У рамки написал Рощину, хотя перед ним лежала Ингина тетрадь.

— Часы покажете? И сервиз.

Инга посмотрела на него с недоумением.

— Их-то зачем? Они здесь.

— Чтобы это было не со вчерашних слов.

В доме пахло открытым после зимы деревом и стиральным порошком. На кровати без матраса лежали снятые занавески. Инга провела их в маленькую комнату, где на столе стоял сервиз, ещё проложенный газетами. Часы были рядом. Аркадий узнал царапину на деревянной подставке, которую вчера показывала покупателю Инга.

Рощина принялась считать чашки.

— Шесть. И блюдца все.

— Я вечером пересчитывала, — сказала Инга.

— Ну а я сейчас.

Часы тихо щёлкнули. До боя оставалось несколько минут, но Инга, проходя мимо, повернула ключ.

— На неделю хватает. А завожу всё равно по воскресеньям.

— За сколько оставляли? — спросил Аркадий.

— Часы — две четыреста. Сервиз — три шестьсот. Как было написано.

Он занёс суммы под перечнем пропаж. Три дешёвые вещи — двести тридцать рублей по вчерашним ценникам. Две оставшиеся — шесть тысяч.

— Значит, разбирались, — сказала Рощина. — Знали что-то, чего мы не знаем.

— Может быть.

— А иначе зачем брать?

— Пока неизвестно.

Рощина прочла через его плечо последнюю строку: «Причина выбора неизвестна».

— У вас это тоже считается записью?

— Чтобы потом не вспомнить, будто мы причину уже установили.

Инга поправила газету между чашками.

— Мне вчера написали: салфетка, наверное, старинная, вы не поняли. И сразу спросили, есть ли ещё.

— Есть? — спросила Рощина.

— Салфетки есть. Понимания больше не стало.

Во двор они вернулись молча. Инга принесла телефон и села на скамью, где вчера впервые за день позволила себе отдохнуть.

— Я всё-таки сообщу. Не хочу ещё неделю искать у себя по углам.

— Я тоже, — сказала Рощина. — Только не пишите за меня, что я подозреваю покупателя. Я не знаю кого.

— Каждая про своё расскажет, — ответил Аркадий. — Я могу описать перенос. И что сам видел потом.

— Вы со мной поедете?

Он посмотрел на часы. Сегодня он собирался вернуть полку, подвязать смородину и к вечеру зайти к Вере. Ничего из этого не требовало немедленного присутствия.

— Если понадобится — поеду. Сначала позвоним, выясним, куда удобнее обратиться.

Номер дежурной части нашли на официальной странице. Инга включила громкую связь только после того, как спросила, можно ли так говорить: рядом была вторая владелица. Её выслушали, уточнили адрес, день распродажи, какие вещи отсутствуют. На вопрос о стоимости она начала с часов.

Аркадий слегка повернул к ней блокнот.

— Нет, простите, — сказала Инга в телефон. — Часы остались. У меня салфетка и значки. Стоимость небольшая. Вопрос не в том, что я ожидала много выручить.

Рощина придвинулась, когда речь зашла о рамке, и назвала себя. Отдельно повторила, что продавать её за пятьдесят рублей собиралась, но никому не передавала.

После разговора Инга записала, куда им подъехать и что взять с собой.

— Фотографии желательно, — сказала она. — Значки я сейчас поищу. Тёткины коробки снимала перед разбором.

— У меня рамка должна быть, — отозвалась Рощина. — Только не в телефоне. Дома на компьютере. Я племяннику заднюю сторону показывала, он мне крепление подбирал.

Аркадий убрал блокнот.

— Тогда зайдём к вам?

— Зайдём. Но весь компьютер смотреть не будем. Я сама найду.

* * *

У Рощиной на веранде сушились две кухонные дорожки. Чтобы пройти к двери, пришлось приподнять нижние края; Людмила Фёдоровна сделала это прежде, чем Аркадий успел помочь.

— Не держите. Прищепки слабые, опять всё на пол свалится.

Дом был низкий, с тёмной лестницей в чердак. На стене возле входа висели маленькие фотографии, календарь ветеринарной клиники и круглое зеркало. Под рамками светлели прямоугольники старых обоев: вещи здесь переставляли, не дожидаясь ремонта.

Рощина включила компьютер на столике возле окна. Пока тот загружался, сняла с сиденья второго стула стопку белья.

— Садитесь. Только папку не кладите на гладильную доску, она у меня складывается от доброго слова.

Аркадий положил блокнот на колени.

На экране появились семейные снимки, затем папки с короткими названиями. Рощина открыла переписку с племянником и долго прокручивала её вверх.

— Он мне ещё говорил: купи новую. Как будто я не знаю, что они продаются.

— Подвес сломался?

— Старый неудобный. Рамка на стене боком висела. На стол поставить нельзя — ножку до того сняли, мешала. Я и спросила, можно ли по-человечески повесить. Он попросил снять оборот. Потом позвонил и всё равно сказал купить новую.

Она нашла нужное сообщение. Над ним было три фотографии. На первой — рамка лицом к камере, в ней открытка с низким домом у воды. Золотистая полоска на тёмном дереве или его заменителе местами стёрлась. Правый нижний угол был светлее остальных.

На второй рамка лежала на кухонном полотенце оборотом вверх. Аркадий наклонился ближе.

— Вот эту можно увеличить?

Рощина щёлкнула мышью. На экране проступил картонный задник, потёртый у края. В верхней части виднелось старое крепление для подвеса, чуть в стороне — две точки от прежнего. Ниже тянулся более светлый след, похожий на узкий язычок с расширением у основания.

— Это от ножки? — спросил он.

— Да. Её уже не было, когда снимала.

— А крепление сверху меняли?

— Меняли. Первое не держало. Когда — не скажу. Давно.

Рощина подвела указатель к двум маленьким тёмным местам. На третьем снимке один угол был снят ближе: металлический язычок удерживал вставку, рядом шла короткая прорезь. По противоположному краю виднелась другая, не совсем на той же высоте.

Аркадий достал очки.

— Снимок резкий. Узнать можно.

— Племянник ещё ругал, что тень. Я переснимала возле окна.

— Эти отверстия сами делали?

— Не помню. Я вам сейчас наговорю, а потом окажется, что путаю с зеркалом.

Она отодвинулась от стола.

— Для описания обязательно знать каждую дырку?

— Нет. Важно сохранить, как выглядело. Объяснить всё сразу не получится.

Рощина удовлетворённо кивнула и уменьшила изображение. Аркадий записал: ножки нет; след на картоне; крепление подвеса и следы прежнего; прорези по краям. Рядом поставил пометку — по предъявленным фотографиям. Снимок не позволял определить ни материал ободка, ни давность каждого повреждения. Зато не приходилось просить Рощину нарисовать оборот по памяти.

— А сама рамка откуда? — спросил он.

— Подарили.

— Здесь покупали?

— Не покупала я её. Наталья подарила. Знакомая моя. Давно, ещё до того, как здесь пристройку сделали.

Она сказала это без готовности продолжать. Аркадий посмотрел на стену, где рядом с календарём осталось пустое место.

— Вчера в ней эта открытка была?

— Эта. Нравится мне дом. Там под деревом столик, если приглядеться. Всё собиралась найти похожее место съездить, а теперь уже не знаю, где открытку печатали.

Он приблизил первый снимок. Надписи издательства с лицевой стороны не было, зато хорошо просматривался повреждённый угол.

— Для заявления можно эти три скопировать? Без переписки.

— Можно. Себе я их тоже оставлю.

— Разумеется.

Рощина открыла чистую папку и перенесла туда изображения. На одном название состояло из длинного ряда цифр.

— Вот, чтобы не отправить племянников счёт за насос. Он здесь рядом.

Аркадий подождал, пока она проверит состав. Ему уже представлялось удобным положить рядом снимки рамки, Ингину салфетку на старой фотографии и коробку значков. Если найдутся другие подарки той же женщины, можно будет за один раз спросить всех и не ходить по домам с повторными вопросами.

— Может, пока проверяют, собрать то, что связано с этими вещами, в одном месте? — предложил он. — Фотографии, оставшееся. Списком отметить, у кого взято. У Инги под это…

— Нет.

Рощина сказала негромко, но не дала ему закончить.

— Что нужно посмотреть — покажу. Из дома не понесу.

— Я не предлагаю отдавать насовсем.

— А я и на время не предлагаю. У Инги дом под жильцов. У вас свои дела. Потом один лист у вас, другой у неё, а мне звонить и спрашивать, где моё.

Аркадий посмотрел на блокнот. На странице оставалось место после слова «подарена». Он хотел упростить работу с пропавшим, а уже выбирал место для вещей, которые никто не терял.

— Хорошо. Тогда только эти копии, для обращения. Если понадобится ещё что-нибудь, отдельно спросим.

Рощина подвинула к нему мышь.

— Вот так мне подходит. Проверьте, все три открываются.

Он по очереди открыл файлы. Ничего больше в папке не было.

— Все.

— И Галине их целиком не надо. Спереди можно, чтобы искали. Сзади для чего в чат?

— Для чата незачем.

Рощина отправила три снимка Инге для их поездки и отдельно — Аркадию, попросив помочь с кратким описанием. Перед отправкой первого изображения Галине сама написала, что разрешает использовать его только в сообщении о пропаже.

Пока Аркадий переписывал признаки на чистый лист, она достала из ящика плотный конверт с фотографиями. Вынула одну, посмотрела и вернула обратно. Он не успел разглядеть изображение.

— Вам про Наталью-то зачем?

— Если вещи выбирали не по цене, могут спрашивать, откуда они. Инга говорит, у неё всё от тётки.

— От тётки не значит от одного человека.

— Верно.

— У неё и мой кофейник был. Я отдала, когда большой купила. Значит, теперь ещё и кофейник сюда припишут?

Аркадий зачеркнул начатое «связанные вещи» в своей пометке и написал вместо этого: «Уточнить происхождение каждой».

— Не припишем. Наталью как звали полностью?

Рощина немного помедлила.

— Наталья Леонидовна Серебрякова. В столовой на узле работала. Мы не только здесь виделись.

Фамилия была та же, что у вчерашнего покупателя светлой рамки. Аркадий вспомнил его рассказ о младшей сестре.

— Константин Викторович вчера приезжал. Сказал, мать была знакома со здешними семьями.

— Костя, да. Я его видела, только поговорить не успели.

— Значит, он Натальи Леонидовны сын?

— Сын. И Алина её дочь. Он вам сказал?

— Про сестру сказал.

Рощина закрыла конверт и убрала его в ящик. Аркадий не стал спрашивать, почему она достала его, но ничего не показала.

— Написали? — Она взяла чистый лист. — «Золотистый ободок» — хорошо. Только «деревянная» уберите. Я не уверена. На вид дерево, а где стёрлось, непонятно.

Он исправил слово.

Перед выходом Рощина задержалась у зеркала, поправила воротник и вдруг сказала:

— Может, кто взял и теперь стыдно вернуть. Пятьдесят рублей всего. Положили бы у калитки, я бы не бегала.

— Может, ещё вернут.

— Только это не значит, что я согласилась.

— Не значит.

Она заперла дверь и проверила ручку. Конверт с домашними фотографиями остался в ящике, а на телефоне у Аркадия были только три разрешённых снимка рамки.

* * *

К Инге он вернулся после полудня. Полку уже отвезли к его дому: Семён успел зайти, получил по телефону согласие поставить её под карнизом и теперь возвращал тележку. Из-под ремня у него торчали два Аркадиевых картона.

— Боковины целы, — сообщил он. — Только сосед спросил, не передумал ли ты продавать.

— Что ответили?

— Что не уполномочен. Очень ему не понравилось.

Семён поставил тележку возле калитки.

— А вы чего с листами? Вернулось?

— Нет. Описания готовим. Инга снимки нашла.

Она сидела на ступеньке дома, держа телефон обеими руками. На коленях лежал раскрытый альбом.

— Не коробку снимала, оказывается. Комнату. Когда решали, какой шкаф вывозить от тётки. Но значки видно.

Аркадий присел рядом. На экране было окно с плотными занавесками, стол и край серванта. На столе стояла жестяная коробка без крышки. Из неё выглядывали круглые и прямоугольные значки. Один — с красным парусом — лежал отдельно, возле линейки.

— Вот этот вчера был, — сказал Аркадий.

— Был. Я его сверху положила, он самый яркий.

Семён наклонился через его плечо.

— Дай-ка.

Инга передала телефон, но он не взял, попросил только приблизить. Изображение стало зернистым. Парус распался на красные квадратики, а лодку ещё можно было различить.

— Олежкина работа, — сказал Семён.

— Какого Олежки?

— Зимина. Он такие делал.

Аркадий повернулся к нему.

— Вы сами видели?

— Видел. В мастерской. Он там после работы оставался, вырезал эти свои штуки. Не каждый день, конечно.

Семён сел на нижнюю ступень, отставив палку. Инга подвинула альбом, чтобы ему было куда поставить локоть.

— Покажи остальные.

— Другого снимка крупнее нет.

— А трамвай был? Жёлтый такой, с кривой дугой.

— Был, — сказала Инга. — И надпись неровная. Я думала, детское.

— Он детям и делал. И взрослым. Кому к дню рождения, кому просто. Про тебя что-нибудь вспомнит — нарисует. Мне как-то дал шпалу с крыльями. Сказал, раз я всех тороплю, пусть хоть шпалы летают.

Аркадий не удержался от улыбки.

— Сохранилась?

— Не знаю. Не стану обещать. У меня тогда на куртке висела, куртку потом брату отдал.

— А как делал, помните?

— Маленькие картинки, сверху прозрачное. Сзади булавка. Края руками подгонял. У одних круг выходит, у других почти. Я в тонкости не лез. Он мне столик под инструмент починил, пока я ждал, сидел рядом. Два раза точно видел.

Инга вернула масштаб фотографии к прежнему.

— Значит, это его коробка?

— Значки похожи на его. Коробку я не помню.

Аркадий записал именно так.

Семён заметил.

— Правильно. Жестянок у всех было полно. На этой что нарисовано?

— Цветы, — ответила Инга. — И край крышки помят. Я вчера пыталась закрыть — только одной стороной налезала.

— Такую не узнаю.

С веранды донёсся звон. Инга поднялась: ветер качнул оставленную на подоконнике чашку, та задела стекло. Она переставила её и принесла заодно маленькую скатерть — не пропавшую салфетку, а белую, с жёлтым пятном в углу.

— Вот это тоже от тётки. Я сначала думала, от того же набора. Но край другой.

— Не надо пока к набору, — сказал Аркадий.

— Я уже поняла. Просто показываю, почему могла перепутать.

Она снова открыла альбом. На бумажной фотографии женщина у стола держала блюдо; под вазой лежала салфетка. Две стороны уходили под посуду, зато третья была видна целиком: узкий прямой подгиб не совпадал с широким ажуром на соседнем краю.

— Вот моя. Я ещё тогда спрашивала, зачем так обрезали. Тётка сказала, на горячую плиту попало, пришлось край снять. Белой ниткой прострочила, что была. Это уже она делала.

Аркадий посмотрел на телефонный снимок комнаты и на бумажную фотографию.

— Альбом тоже из её дома?

— Да. Вещи и альбомы после неё мне достались. Салфетка лежала с этим бельём, значки в серванте. Я оттуда сама всё забирала.

— А кто подарил салфетку?

— Наталья. Тётка мне говорила: на новоселье принесла. Я фамилию не спрашивала. Они вместе на узле работали, только тётка не в столовой.

Аркадий поднял голову.

— Рощиной рамку подарила Наталья Леонидовна Серебрякова.

— Так это она и есть, — сказал Семён. — Наталья с Олегом сюда приезжала. Твою тётку он знал, помогал ей. Полки, кажется, ставил.

— Полки ставил другой, — возразила Инга. — А Олег шкаф правил. Двери не сходились. Я помню, тётка говорила: после переезда всё перекосилось, Олег приехал и сделал.

Семён потёр ладонью подбородок.

— Может, шкаф. Самой работы я не видел.

— Она и значки поэтому оставила. Говорила, его. Я подумала, сувениры какие-нибудь с работы. Тётка из них ничего не выбросила.

Сведения сходились не так гладко, как хотелось бы: имя без фамилии, чужой рассказ о ремонте, похожая лодка на неясном снимке. Но теперь у каждого обрывка был человек, к которому можно обратиться. Рощина могла подтвердить подарок, Инга — путь вещей из тёткиного дома, Семён — изготовление значков, которое видел сам.

— Они все из общежития друг друга знали? — спросил Аркадий.

— Не все и не сразу, — ответил Семён. — Олег там жил. Потом комнаты снимал. Наталья приезжала. У кого здесь летовали, у кого там. Компания была, да. Только ты не пиши, будто они одним домом жили.

— А годы?

— С годами не возьмусь. По работе прикинуть могу. Когда мастерскую ещё не перевели, он уже значки делал.

Аркадий оставил возле даты пустое место. Семён посмотрел на него, но не стал заполнять паузу приблизительным годом.

Инга убрала скатерть в пакет для стирки. Альбом оставила на коленях.

— И что получается? За пятьдесят, восемьдесят и сто рублей у нас забрали знакомства?

— Пока вещи, — сказал Аркадий. — Но стоит проверить, не искали ли именно их.

— Кто?

Он покачал головой.

Семён ещё раз попросил показать красный парус. На этот раз Инга не увеличивала: мелкая лодка оставалась лодкой, а не россыпью цветных клеток.

— Надо спросить, у кого ещё его работа есть, — сказал Семён. — И Натальины подарки. Собрать бы, пока совсем не разошлось.

— Спросить можно, — ответил Аркадий. — Приносить сюда не надо. Сначала пусть люди сами скажут, готовы ли показать.

— Да я не отнимать.

— Я тоже утром не отнимать предлагал. Людмила Фёдоровна мне объяснила, сколько потом придётся искать.

Инга закрыла альбом.

— Вот именно. Мне до субботы шкаф освободить. Вещи на проверку я покажу. А хранить чужие у себя больше не хочу.

Семён некоторое время смотрел во двор. На голом столе осталась только тетрадь продаж, прижатая блюдцем.

— Ладно, — сказал он. — Я сперва Рощиной позвоню. Про Олега спрошу. Если захочет, сама расскажет. В чат пока не надо.

Аркадий показал Инге запись о салфетке. Она поправила одно слово: не «вышила тётка», а «переделала край». Потом выбрала фотографию для копии, прикрыв ладонью соседнюю страницу альбома.

К поездке у них были описания трёх предметов и несколько изображений. Домашние альбомы остались дома. Семён взял тележку за ручки: сосед ждал её обратно.

— Фамилию правильно записал? — спросил он у калитки.

— Зимин. Олег.

— Да. В мастерской его все знали.

Аркадий дописал рядом, кто назвал это имя. Вчера в перечне были только цены и места на столе. Теперь появился человек, чьи вещи могли искать. Кому они понадобились, по-прежнему никто не знал.

Глава 4. Книги не из одного шкафа

Аркадий держал коробку снизу, пока Вера вытягивала из-под неё полотенце. Полотенце зацепилось за отогнутый клапан; ещё немного — и верхний ряд книг съехал бы на ступени.

— Поставьте обратно, — сказала она. — Я с другой стороны достану.

Он опустил коробку на скамью.

— Можно было переложить.

— Можно. Только я уже переложила их два раза. Теперь очередь полотенца.

На веранде было тесно. Коробка Ольги, которую та обещала забрать сегодня, стояла у двери, три продажные книги Рощиной — на табуретке, отдельно от обменных. Вера собиралась освободить место до приезда Агеева. Он позвонил утром и попросил сверить книги, которые привозил в понедельник к Инге.

Аркадий пришёл сдвумя широкими резинками для картонных папок. Вера взяла одну, вторую вернула.

— Мне одной хватит.

Он убрал её в карман. Когда-то для такой мелочи нашлось бы постоянное место рядом с его отвёрткой; теперь отвёртка лежала дома, а у Веры в ящике оставалось то, чем пользовалась она.

Агеев появился у калитки с плоской сумкой через плечо. Подождал, пока Вера отзовётся, и вошёл, на ходу вынимая телефон.

— Добрый день. Я, кажется, у себя передачу неправильно отметил. Хочу сначала это убрать.

— Что именно? — спросила Вера.

— Из ящика четырёх не хватает. Одну вы взяли, это я помню. А в списке у меня вся строка осталась.

— Назовите книгу.

— Невысокая, серая обложка…

— Тимур Валерьевич, у меня здесь невысоких серых сорок штук. Название.

Он остановился у скамьи, открыл заметку.

— «Садовые цветы». Второе издание. Без суперобложки, нижний угол потёрт.

Вера повернулась к шкафу и вынула книгу с нижней полки. Между страницами торчал бумажный ярлычок.

— Эта?

Агеев проверил титульный лист.

— Она. Вот с ней моя ошибка. Я вам отдал, а из общего остатка не убрал.

— И ещё вы сказали, что её можно сразу ставить в обмен, не ждать субботы.

— Да. Там переплёт уже расходится, продавать не хотел. Вы сказали, укрепите.

Вера показала ему сообщение в телефоне. В понедельник она прислала снимок книги и спросила, правильно ли поняла: бесплатно, для обменного шкафа. Агеев ответил: «Да, берите. В расчёт не включать».

Он прочёл, кивнул и вычеркнул название в своей заметке.

— Вот. Значит, остаются три. Не четыре.

Аркадий придержал дверцу, пока Вера возвращала книгу. На корешке уже была узкая полоса нового полотна.

— Эту вы вчера подклеили?

— Вчера. Сегодня можно брать. Я обещала женщине с шестьдесят первого показать раздел про лилии, но не откладывала.

— Я не забирать приехал, — сказал Агеев.

— Я поняла.

Он убрал телефон, затем снова достал: без списка разговор не продолжался.

В понедельник Агеев привёз к Инге два ящика недорогих книг. Договорились разобрать их до второй распродажи, чтобы не занимать субботу переборкой. Один ящик он оставил под навесом на время разбора, другой унёс в дом, где Инга освобождала нижнюю полку шкафа. Вера приходила выбрать то, что он соглашался отдать в обмен.

— Три остальных вы сами видели в понедельник? — спросил Аркадий.

— Да. Я их сверху положил, когда привёз. У двух форзацы раскрывал, у третьей проверил, не выпадает ли блок. Потом ещё сфотографировал весь ряд. Мне покупатель спрашивал, что будет в субботу по сто рублей.

— А отсутствие когда заметили?

— Вчера вечером. Стал готовить ему ответ подробнее. Ящик забрал ещё в понедельник, а дома до него не дошли руки.

Вера предложила войти на веранду. Агеев остался стоять: садиться было некуда, пока Аркадий не убрал со стула пакет с обёрточной бумагой. Из пакета выпала полоска картона с надписью «Продажа». Вера положила её на три Рощины книги.

— Эти не ваши, — сказала она, заметив взгляд Агеева. — Остались с первой субботы.

— Я вижу. У меня другой Чехов.

Аркадий освободил стол. Агеев сел и положил перед собой маленькую тетрадь, которой подпирал телефон, чтобы изображение не гасло от случайного касания.

На снимке стоял ряд книг, снятый сверху под небольшим углом. Внизу был виден край Ингиной клеёнки, а рядом с ящиком — сложенный метр. Аркадий узнал и клеёнку, и потёртую ручку садовых ножниц. Самого снимка в понедельник он не видел; в это время работал у себя.

Агеев увеличил изображение.

— Вот эти. Паустовский, однотомное избранное. Чехов, «Дом с мезонином», рассказы. И Тютчев, стихотворения. Не редкости. Все по сто.

— Почему уверены, что именно эти экземпляры? — спросила Вера.

— На Паустовском пятно на обрезе. У Чехова корешок скошен. Тютчев — здесь плохо видно — с надорванным верхом суперобложки. И у всех надписи. У меня отдельные фотографии есть, я такие вещи при покупке снимаю.

Он не стал искать их сразу. Вера попросила сначала закончить с тем, кто что брал.

Получилось, что, кроме книги о цветах, в понедельник продали ещё два тома. Покупатель расплатился переводом и унёс их в тканевой сумке. Агеев показал только соответствующую строку расчёта и два названия; соседние сообщения закрыл ладонью.

— Остальное к этому ящику не относится.

— Нам и не надо, — сказала Вера. — А отложенное было?

— Один человек попросил сборник пьес до субботы. Он на месте. Я его уже отдельно убрал.

Аркадий сопоставил названия со снимком. Две проданные книги на нём были. Сборник пьес тоже. Три, которых теперь не хватало, стояли между тонким словарём и справочником по ремонту.

— Кто подходил к ящику?

Агеев откинулся на спинку стула.

— Разные люди. Инга, Вера Андреевна. Женщина за посудой приходила, книги тоже смотрела. Мужчина с мальчиком. Долин был — привёз кому-то ответ по вазе, кажется. Они с Ингой разговаривали, потом он ко мне подошёл.

— Книги брал в руки?

— Брал. Спрашивал, откуда. Это не запретное занятие у торгового ящика.

— Конечно.

— Я просто сразу говорю. Сейчас назову фамилию, а к вечеру окажется, что видел, как он унёс.

Вера подняла глаза от списка.

— Я тоже видела, что он смотрел книги. Унёс или поставил обратно — не видела. Ушла раньше.

Агеев сказал, что отлучался в дом помогать Инге с застрявшей полкой. Ящик оставался под навесом. Сколько длилась отлучка, по часам не засекал; возвращался к книгам несколько раз. Посетителей не считал.

Аркадий записал это рядом с понедельником, не рисуя возле чьей-либо фамилии стрелки. Пока можно было установить начало и конец доступного промежутка, но не заполнить его чужими движениями.

— Вы у Инги проверили? — спросила Вера.

— Сегодня утром. Она прошла со мной навес и комнату, куда мы книги заносили. В её вещах нет. Сказала, они с Людмилой Фёдоровной вчера уже заявления подали по своим пропажам. Мне тоже надо.

Вера выровняла на столе три оставшиеся книги Рощиной.

— Надо описания подготовить. Но сначала покажите надписи. Если вы их помните, по ним экземпляры проще отличить.

Агеев потянул сумку к себе.

— Только я сразу предупреждаю: всю закупочную тетрадь отдавать соседям не буду.

— Всю и не просим, — ответила она. — Нам нужны эти три.

* * *

У Агеева фотографии хранились не по авторам, а по покупкам. Он открыл папку с датой, пролистнул снимки пачек на полу, два разворота словаря и ряд одинаковых томов без одного номера.

— Вот здесь.

На экране появилась раскрытая книга. Под надписью лежали очки в тёмной оправе; часть нижней строки ушла в сгиб. Следующий снимок был сделан на другом столе и при свете лампы. Третий вышел смазанным по левому краю, зато подпись и год читались лучше.

Аркадий придвинул стул, но Вера попросила подождать.

— Можно вы сначала пришлёте мне только эти изображения? На телефоне мы сейчас начнём угадывать. У меня на ноутбуке будет видно, что прочесть можно, а что нельзя.

Агеев выбрал три файла.

— Для сверки. В объявление надписи не ставьте.

— В объявлении достаточно примет. Если решите иначе, отдельно договоримся.

Он отправил изображения. Пока Вера включала ноутбук, Аркадий поставил на стол стакан воды. Агеев выпил почти весь сразу.

— Я на дешёвых книгах больше времени теряю, чем на дорогих, — сказал он. — Дорогую человек сначала спросит. А эти всем кажутся уже ничьими.

— Вы их где покупали? — спросил Аркадий.

— У Людмилы Фёдоровны Рощиной. Осенью. С другими книгами.

Аркадий посмотрел на три тома под картонкой «Продажа».

— Эти она вам не предлагала?

— Не знаю. Тогда их в отобранном не было. Я ведь не шкаф целиком забирал. Она выложила то, с чем решила расстаться, я выбрал часть. Остальные ей оставил.

Вера открыла первый снимок. Там виднелось обращение к Людмиле, ниже — несколько строк, подпись «Наталья» и дата. На втором повторялось имя Натальи; в конце третьей надписи Аркадий разобрал «Олег». Годы были разные. Один снимок пришлось уменьшить: при увеличении чернила превращались в расплывчатые ступеньки, и пропущенная буква не возникала.

— Можно про даты записать? — спросил он.

— Что они различаются — можно, — ответила Вера. — Точно переписывать будем с читаемых изображений. Вот эту цифру я сейчас не назову.

Агеев наклонился к экрану.

— У меня, кажется, ещё общий разворот был. На другом телефоне снимал, потом переносил. Посмотрю дома.

— Тогда не будем из этого делать чистовую копию.

Аркадий открыл блокнот. Рядом с фамилией Рощиной написал три названия, затем провёл короткую черту к Агееву. Выше осталось имя Натальи, записанное после воскресного разговора.

— Значит, Наталья передала Рощиной, Рощина продала вам…

— Первое вы сейчас откуда взяли? — спросила Вера.

— Рамку она ей подарила. И в книгах…

Он остановился. На одном развороте было обращение к Людмиле, на другом имя Натальи стояло не там, где ожидалась подпись. Аркадий успел прочесть знакомые имена раньше, чем разобрал, кто к кому обращался.

— Здесь пока не одна линия, — сказала Вера. — Кто написал, кому подарил, кто потом продал и у кого книга сейчас — четыре разных вопроса. По покупке Тимур Валерьевич может ответить сам. По надписям ещё надо разбираться.

— Но всё из одного шкафа.

— Последняя покупка — да. А до шкафа?

Агеев усмехнулся.

— У меня однажды в одной коробке оказались книги четырёх библиотек. Человек всю жизнь покупал подержанное. Я же не стал их называть собранием четырёх библиотек.

Он повернул тетрадь, открыв одну страницу. Рядом с датой стояли фамилия Рощиной, количество принятых книг и краткие названия. Сумму он закрыл листком.

Аркадий не потянулся убирать бумагу. Ему хватало того, что три названия входили в более длинный перечень. Изображения тоже не были тремя одинокими снимками, появившимися после пропажи: Агеев показывал их среди фотографий той же покупки.

— Людмиле Фёдоровне сейчас можно позвонить? — спросила Вера. — Я уточню только продажу. И не стану ей читать надписи с экрана.

— Звоните. Я ей утром уже сказал, чего не хватает. Она очень удивилась: думала, я давно всё продал.

Рощина ответила после нескольких гудков. Вера включать громкую связь не стала. Спросила, можно ли записать её ответ и передать Аркадию с Агеевым, которые сидят рядом. Выслушала, уточнила названия и повторила:

— То есть осенью вы продали их Тимуру Валерьевичу вместе с другими, деньги получили. Не на комиссию и не на временный осмотр… Хорошо. Нет, ваши нынешние три здесь, отдельно. Их никто не трогал.

Потом разговор задержался. Аркадий слышал лишь Верины короткие ответы.

— Не нужно сейчас искать… Когда сможете… Да, сначала сами посмотрите.

Она положила телефон.

— Продажу подтверждает. По происхождению готова поговорить отдельно. Говорит, там были подарки разных лет, и ей нужно освежить в памяти, какие именно экземпляры она продала. Обещала посмотреть свои записи, если сохранились.

— Надписи ей можно прислать? — спросил Агеев.

— Она согласилась получить эти три снимка. Я перешлю. Остального пока не обещала.

Аркадий убрал начатую черту от Натальи к Рощиной. Не стёр имя, а перенёс его ниже, к надписям. Подтверждённая часть пути была короткой: продажа осенью, книги у Агеева, понедельничный ящик.

— У вас было указано, что есть дарственные? — спросила Вера.

— В моём описании — да. Покупателю по сто рублей я длинных карточек не делал. Написал: надписи прежних владельцев, состояние среднее.

— А на цену они повлияли?

— Эти — нет. Авторы надписей мне неизвестны. Издания обычные.

Аркадий вспомнил Ингин вопрос про салфетку. Дешёвые предметы уже второй раз не оставались там, где лежали. Но Агеев говорил лишь о своей цене, не о причине чужого выбора.

— Вы всё-таки сколько за них заплатили? — спросил Аркадий и сразу понял по тому, как Агеев прижал листок, что задал лишний для нынешней проверки вопрос.

— Я покупал пачкой. И сумму соседям разбирать не хочу.

— Для описания пропажи ваша закупочная сумма нам не нужна, — сказала Вера. — А если спросят при оформлении, вы сами объясните, как считали.

Агеев отвёл руку от листка.

— Объясню. Я не собираюсь ущерб раздувать. Просто мне уже один человек сказал: «Они же у вас по сто, чего вы». А если по сто, можно три взять? Можно я тогда у него со стола три недорогих вещи выберу?

Он говорил без повышения голоса, но быстро, будто отвечал не им, а утреннему собеседнику.

— И я за них заплатил, — добавил он. — Не подобрал у мусорного бака.

Вера закрыла лишние окна на ноутбуке. На экране остались три изображения и пустой лист.

— Давайте так. Название, год издания, внешние приметы. Наличие надписи, но без догадок о почерке. Вы проверите. Потом заберёте описание себе.

— Сделаю, — сказал Агеев. — Только мне сейчас ехать. У меня ещё встреча.

Он оставил названия и разрешил использовать три снимка для обращения о пропаже и сверки с Рощиной. Веру попросил не размещать их в книжной группе: там изображения быстро уходили дальше подписи.

Аркадий проводил его до калитки. На дорожке Агеев остановился.

— В субботу я книги всё равно привезу. Только ящик уже оставлять не буду.

— Выходит, всё время возле него стоять?

— Не всё время. Попросить кого-нибудь присмотреть. А если некому — закрыть. Торговать и сторожить одновременно плохо получается.

Он ушёл, перекинув сумку на другое плечо.

Аркадий вернулся на веранду. Вера уже набирала описание первой книги.

— Помочь?

— Прочитайте названия с его листа, я сверю. Потом мне надо самой. И вы к Орловой собирались.

Он посмотрел на часы. До назначенного времени оставалось двадцать минут.

Они успели проверить заглавия, издательства и внешние признаки. На строке о надписи Вера оставила место для уточнения. Аркадий спросил, не лучше ли пока снять с обмена остальные старые книги.

Она повернулась к нему.

— Зачем?

— Если теперь начнут искать те же имена…

— Тогда спросят. А книги здесь для того, чтобы их читали.

Вера взяла подклеенный справочник с нижней полки и положила ближе к дверце. С улицы уже звали её по имени: пришла женщина с шестьдесят первого, обещавшая заглянуть после полива.

Аркадий забрал свою резинку и сумку. Вера открыла посетительнице калитку, и разговор про пропажу уступил место луковицам, которые третий год давали листья, но не цвели.

* * *

В правлении Зоя пыталась развернуть лист на столе, занятом коробкой новых лампочек.

— Уберите это, — сказала она Аркадию. — Никакого места для человека с планом.

— Для человека ещё осталось. Для плана — нет.

Он перенёс коробку на стул. Орлова вошла из маленькой подсобки, неся папку с закладками.

— Только на мой стул не ставьте. Я сегодня хочу хотя бы документы сидя смотреть.

Аркадий переставил лампочки под подоконник. На доске объявлений висел лист о распродажах, уже без первого субботнего числа. Ниже — напоминание о сроке взноса. От одной бумаги к другой тянулась полоска прозрачного скотча: кто-то закрепил обе сразу, и теперь нижний угол верхней отгибался вместе с нижней.

Орлова заметила его взгляд.

— Галина вечером переделает. Новое объявление будет отдельное.

Она раскрыла папку. Аркадий пришёл сверить перечень приложений к следующему выходу специалистов; об этом договорились ещё до распродажи. В письме исполнителя стояли несколько уточнений: какие места уже осматривали, что тогда оказалось недоступно, какие оформленные материалы товарищество может предоставить сейчас.

— Вот их ответ, — сказала Орлова. — Не договор на всё лето. Сначала готовим комплект и уточняем доступ. По результату они подтвердят объём ближайшего выхода и расчёт.

Зоя развернула свою схему.

— На востоке за малой площадкой сейчас пройти можно. Но я хочу, чтобы они указали, что именно там собираются смотреть. А то в письме «обследование прилегающей территории». Прилегающей к чему?

Аркадий нашёл эту строку. Рядом не было ни номера участка, ни ориентира.

— Вернём на уточнение?

— Да, — ответила Орлова. — Напишем по пунктам. Антон ещё должен подтвердить подход с оборудованием. Он обещал завтра.

— Т-17 приложим целиком, — сказала Зоя. — Не один северный лист. И перечень того, что уже обследовано, рядом.

Аркадий открыл зарегистрированную опись. Оформленные электронные копии были на месте; бумажный комплект стоял в архивном шкафу. Он проверил номера и отметил, какие файлы следует включить в отправку. Искать старый лист заново не требовалось. Работа теперь состояла в том, чтобы не потерять пояснение к нему среди современных схем.

— Здесь в перечне написано просто «план проезда», — сказал он.

Зоя придвинула письмо.

— Это чей?

— Ссылки нет.

— Тогда так и спросим. У нас не все планы про одно и то же.

Орлова записала вопрос на отдельном листе. Старую дорожную визуализацию в пакет не включали. Для независимой проверки транспортных альтернатив готовилось своё задание, и письмо по обследованию водоотвода его не заменяло.

— По альтернативам пока ждём редакцию задания, — сказала Орлова. — Никакого заключения ещё нет. Мне уже вчера звонили: правда ли, что всё окончательно решили и можно не платить.

Зоя сняла очки.

— Кто решил?

— Вот именно. А взнос хотят не платить вполне определённый.

На краю стола лежал расчёт ближайших расходов. Орлова положила его перед ними. Одна строка была перечёркнута карандашом — предполагаемый приход по возмещению.

— Эту копию принесли для обсуждения. Я просила сделать два варианта платежей, а мне добавили деньги, которых нет.

— Убрали? — спросил Аркадий.

— Из расчёта имеющихся средств — да. Требование никуда не делось. Но оплачивать им работы нельзя.

Она показала остаток, затем сумму, которую в пределах уже утверждённых средств можно было использовать на ближайший ограниченный этап. На последующие работы этой суммы не хватало. В расчёте не стали уменьшать расходы на бумаге, чтобы вместить их в желаемый остаток: два пункта оставили для отдельного решения после уточнения объёма.

— Значит, готовим к отправке исходные материалы, — сказал Аркадий. — Получаем уточнение по местам и стоимости. Потом выносите оплату в установленном порядке.

— Да. А вы до пятницы проверите комплектность. Только состав и номера. Согласования с владельцами я сама соберу, Антон — технический доступ.

Зоя передвинула к нему ещё один лист.

— И заодно сроки всех…

Орлова накрыла лист ладонью.

— Сроки мне. Я его не за этим звала.

Зоя посмотрела сначала на неё, потом на Аркадия.

— Я хотела, чтобы не разошлось по трём папкам.

— Сводный список вам пришлю, — сказала Орлова. — Вести его будем здесь.

Аркадий взял только перечень приложений. Ему было приятно, что не пришлось снова объяснять пределы обещанного. Но он всё же проговорил:

— До пятницы вечером. На дальнейшую переписку меня не ставьте ответственным.

— Уже не поставила.

Они нашли недостающее пояснение к февральскому отчёту, проверили, в какой папке лежит подтверждение его оплаты, и исправили два названия файлов. У одной схемы отсутствовала дата составления; Зоя обещала сверить её по собственным записям, не назначая число по памяти.

Когда Аркадий собрался уходить, Орлова спросила:

— У Инги что-нибудь вернулось?

— Пока нет. И у Агеева ещё три книги пропали. Не в субботу.

Зоя подняла голову.

— Тоже с того стола?

— Из его ящика, в понедельник или позже. Он уточняет. В понедельник они ещё были у Инги, потом ящик увёз домой.

— Может, за книги приняли те, что Вера забирала?

— Одну она получила по договорённости. Её нашли и передачу проверили. Эти три другие.

Орлова не стала дописывать ничего к общественной описи. Папка с материалами обследования осталась у неё, а Аркадий унёс копию перечня — семь приложений и два вопроса, которые предстояло снять до отправки.

У Веры к тому времени забрали Ольгину коробку. На её месте осталась чистая полоска пола. Дверь веранды была открыта; Вера сидела за ноутбуком, а на столе лежала раскрытая книга о цветах.

— Лилии разобрали? — спросил Аркадий.

— Частично. Человек ушёл с книгой про почвы. Оказалось полезнее.

— А эта?

— Эту вернёт на следующей неделе другая соседка. Уже взяла, потом вспомнила, что сумка у калитки. Сейчас принесёт.

Вера повернула к нему экран. Описания трёх пропавших экземпляров были готовы. Агеев прислал уточнение по изданию Чехова и подтвердил внешние приметы; ещё одну фотографию обещал найти вечером. Рощиной Вера отправила только согласованные изображения.

Аркадий сел на освободившийся стул и достал свой блокнот. В перечне ещё со вчера стояли три предмета: рамка, салфетка, коробка значков. Он не стал дописывать под ними общее «книги», а отвёл по строке каждому названию.

— Владелец — Агеев, — сказал он, сверяясь с Вериным листом. — Покупка у Рощиной осенью. В понедельник видел сам и снял.

— По его словам, — напомнила она. — Снимок у нас есть, но время съёмки мы пока отдельно не проверяли.

Он добавил источник. Затем обозначил пропуск до обнаружения недостачи во вторник вечером. Часов не поставил.

С улицы вернулась соседка с сумкой. Вера отдала ей справочник, объяснила, где держится подклеенный корешок, и попросила не перегибать книгу. Женщина пообещала и спросила, можно ли принести два детских тома.

— Если сухие и целые, приносите, — сказала Вера. — Только я посмотрю прежде, чем поставить.

Она вернулась к столу и закрыла описания пропаж.

— На субботу возьму две коробки, как собиралась. Больше не понесу. И место под надписи искать в шкафу не буду.

— Я и не предлагаю.

— Знаю. Это я свой список заканчиваю.

Аркадий отделил книжные записи от копии общественного перечня. В одной папке ему предстояло проверить семь приложений, в другой оставались шесть исчезнувших предметов и несколько повторяющихся имён.

Он зачеркнул старый заголовок «После субботней распродажи» и написал над ним «Пропавшие вещи». Дождь объяснял, почему рамка Рощиной оказалась на столе Инги. К понедельничному ящику Агеева тот дождь отношения уже не имел.

Если кто-то действительно выбирал вещи по именам прежних владельцев, первой субботой его поиски не закончились.

Глава 5. За мать

Ящик вышел наполовину и остановился. Аркадий потянул за обе ручки, стараясь не перекосить, но шкаф ответил сухим скрипом.

— Вчера двигался, — сказала Инга.

— Вчера в нём что было?

— Полотенца.

— А сейчас?

— Ничего. Я же освобождаю.

Она присела рядом, просунула руку в щель и вытащила сложенную наволочку. За ней показалась вторая.

— Это не в ящике. Это за ним.

Аркадий оставил замечание при себе. В четверг Инга позвала его помочь вынуть полки и проверить, что можно снять со шкафа перед субботним вывозом. Он рассчитывал управиться за час. Пока они освободили нижние отделения, а четыре полки ещё лежали на своих держателях, скрытые под вещами, которые хозяйка уже не считала содержимым шкафа, но пока не нашла куда убрать.

За окном Семён складывал картон. Он принёс его для зеркала и теперь пытался выбрать кусок без старой надписи «Верх», потому что на подходящем куске она оказывалась сбоку.

У калитки остановились двое. Константина Аркадий узнал по серой куртке. Рядом стояла женщина с тёмными волосами до плеч; она держала за ручки сумку, из которой выступала бутылка воды.

— Можно к вам? — спросил Константин. — Мы не рано?

— Мы вообще с утра, — ответила Инга. — Заходите. Только в доме пока смотреть нечего, всё на полу.

Женщина вошла первой и отставила сумку от дорожки, чтобы Константин мог закрыть калитку.

— Алина Зимина. Я в субботу не добралась.

— Аркадий Сергеевич. Ваш брат говорил.

— Теперь добралась вместе с ним. Чтобы опять не вышло, что он всех увидел, а мне пересказал.

Константин улыбнулся и взял у неё бутылку.

— Воду куда поставить?

— На кухонный стол, — сказала Инга. — Если стол найдёте.

Алина протянула Аркадию руку. Ладонь была прохладной, с короткими ногтями и следом синей ручки у большого пальца.

— Мне сказали, вы помогаете разобраться с пропавшими вещами. Мама знала Людмилу Фёдоровну. Наталья Леонидовна Серебрякова.

— Да, её имя уже называли.

— А Олег Зимин — мой отец. Мы с Костей от одной мамы.

— Это я объяснил в прошлый раз, — сказал Константин.

— Я не знала, что именно ты объяснил.

Инга, стоявшая в дверях, кивнула:

— Значит, сводные.

— Единоутробные, — поправила Алина без нажима. — У Кости отец Виктор Серебряков. Обычно я говорю просто «брат». Так короче.

— И точнее для дела, — заметил Константин. — Никто другой за твоими посылками не ездит.

— Вчера ездила сама.

— Потому что я на работе был.

В голосах не было ссоры. Аркадий услышал привычный обмен, продолжавшийся, вероятно, не первый десяток лет.

Алина посмотрела на шкаф через открытую дверь.

— Вы сейчас заняты. Мы можем позже поговорить. Я хотела узнать, кто помнит маму. Не только по этим вещам — в разные годы.

— Если позже, то после шкафа, — сказала Инга. — А шкаф, как выяснилось, бесконечный.

Константин снял куртку.

— Покажите, что не выходит.

Он не стал сразу дёргать ящик. Нагнулся, посмотрел снизу, попросил Аркадия немного приподнять передний край.

— Справа направляющая ушла. Вот здесь придержите. Не ручку, за дно.

Ящик подался и оказался у них в руках. За ним, кроме наволочек, лежала деревянная линейка.

— Вот почему вчера двигался, — сказал Аркадий.

Константин поднял линейку и отдал Инге.

— В субботу ящики лучше отдельно вынести. И съёмные полки. Двери пока не трогайте — перевозчик посмотрит, как ему удобнее. Только стекло защитим, когда корпус будет пустой.

— Зеркало, — поправила Инга.

— Зеркало. Тем более.

Семён вошёл с картоном и уже взялся за верхний край тяжёлой полки.

— Я с этой стороны.

— Семён Ильич, подержите лучше дверь, — предложил Константин. — Она нам сейчас обратно пойдёт. А с полкой вдвоём справимся.

Он не сказал ни слова о возрасте или колене. Семён переставил палку к косяку и придержал дверцу. Аркадий снял полку с ближних опор, Константин подхватил дальний конец. Вес оказался заметный, но работа шла без рывков.

— На ребро к стене? — спросил Аркадий.

— На картон. Только не в проход.

Алина вынула из шкафа стопку полотенец и замерла.

— Инга Петровна, это остаётся в доме или едет с вами?

— Полотенца оставлю. Постельное справа заберу. А покрывало ещё не решила.

— Тогда покрывало отдельно. Куда можно положить то, что оставляете?

Инга показала на диван. Через несколько минут на нём образовались две стопки, между которыми Алина оставила широкий промежуток.

— Можно бумагу? — спросила она. — Я подпишу. А то сейчас уберём с одной полки и начнём искать на другой.

— Ты и дома без ведомости не можешь, — сказал брат.

— Дома я хотя бы знаю, чьи полотенца. Здесь сначала надо спросить.

Она нашла в сумке карандаш, но бумаги не было. Аркадий дал ей два чистых листа из блокнота. Алина написала крупно, не подводя никаких итогов.

— На работе тоже всё подписываете? — спросил он.

— Я нормировщик. Там, если не спросишь, для какой операции считают время, потом получишь спор на весь цех.

— Инженер по нормированию, — уточнил Константин.

— Должность от пропущенного вопроса не спасает.

Он усмехнулся и попросил её отойти от угла шкафа. Она отошла, но тут же вернулась за свисавшим покрывалом.

— Давай я, — сказал он.

— Костя, я держу ткань. Не шкаф.

— Там пыль.

— Я заметила.

Аркадий снял следующую полку. Константин стоял удобно, не заставлял его тянуться и прежде, чем изменить хват, предупреждал. В отделе снабжения, где он работал, как выяснилось из разговора, ему приходилось не только подписывать накладные.

— Поставщик пишет: разгрузка силами заказчика, — сказал он. — А у заказчика из сил женщина с печатью и водитель, которому через двадцать минут уезжать. Приходится заранее спрашивать размеры.

— У нас хотя бы шкаф свой, — заметила Инга.

— Пока свой. До субботы.

— Деньги уже частично чужие. Поэтому давайте ничего не уроним.

Последнюю полку оставили внутри, пока Инга не разберёт мелкие вещи. Ящики поставили рядом со шкафом. Константин проверил поворот от комнаты к выходу, попросил убрать низкую тумбу и не стал соглашаться с Семёном, что её можно будет «на минуту обнести».

— Тогда со шкафом придётся ждать на весу. Лучше сейчас место подготовить.

Инга вынула из тумбы пакет с проводами, посмотрела на него с явным утомлением и поставила в коробку для следующей распродажи.

— Вот ещё добро. Я думала, здесь пусто.

Алина взялась за один конец тумбы.

— В коридор?

— Я сам перенесу, — сказал Константин.

— А я куда денусь?

Он посмотрел на неё, потом перехватил тумбу ниже.

— Ладно. Только на пороге скажи, я его не вижу.

***

Воду пили под навесом. Инга принесла пять разных стаканов и села на низкий стул у стены; прежде чем сесть, стряхнула с него опилки ладонью.

В шкафу оставалось одно неразобранное отделение. Это уже можно было представить законченным.

Алина протёрла руки влажной салфеткой и положила использованную в пакет, который держала открытым на коленях. Константин налил ей воды, затем себе.

— Мама такие стаканы любила, — сказала она, поворачивая свой на свету. — Тяжёлые, с толстым дном. У нас два осталось. Я один разбила уже после её смерти и почему-то неделю Косте не говорила.

— Я бы тебя за стакан не отругал.

— Теперь знаю.

— Я и тогда не отругал бы.

Она кивнула, не споря. Аркадий заметил, что Константин первым отпил из своего стакана, хотя тот был выщерблен у края. Он повернул его целой стороной к губам и ничего не сказал Инге.

— Наталья к твоей тётке приезжала, — заговорил Семён. — Не раз. Я помню, Олег ещё за водой ходил, когда здесь летнего водопровода толком не было. Она ему кричала, чтобы оба ведра не брал. А он всё равно брал.

— Это когда? — спросила Алина.

— Вот с годом не скажу. У тётки ещё прежняя веранда стояла.

— Старую веранду разобрали при мне, — сказала Инга. — Но не в один год. Сначала крыльцо, потом стену меняли.

Семён махнул рукой:

— Значит, по веранде не определить. Но потом я их тоже вместе видел. Уже у Людмилы. Не здесь.

Алина поставила стакан.

— После того, как мама от него съехала?

— Она несколько раз съезжала, — ответил Константин.

— Я про тот раз, когда у неё уже была своя квартира. И я с ней жила. Семён Ильич, вы помните: тогда или раньше?

Семён нахмурился, пытаясь что-то сопоставить.

— У Людмилы было позднее, чем здесь с вёдрами. Это помню. А про квартиру я тогда не спрашивал.

— Я потому и хочу разобраться, — сказала Алина. — Когда я стала ездить к подруге ночевать, мама оставалась одна. Или говорила, что одна. Я же не проверяла. Потом у нас все рассказы стали одинаковыми: папа приходил, мама терпела.

— Потому что так и было, — сказал Константин.

Он произнёс это негромко, не перебивая движение за столом. Инга поднялась за вторым кувшином, Семён отодвинул стакан от края.

— Костя, я спросила, встречались ли они.

— Встречались. Я этого никогда не отрицал. Она не умела отказывать ему. В этом и была беда.

— Ты сейчас опять объясняешь почему. А я пока даже не знаю когда.

Константин провёл ладонью по волосам.

— Алин, ну что ты собираешь? Что он принёс цветы? Что они сидели у кого-то за столом? Ты была маленькая, тебе показывали хорошее. Мне никто ничего уже не показывал.

Аркадий собирался взять стакан, но рука осталась на столе. Семён смотрел в сторону дома.

— Мне было двенадцать, — продолжил Константин. — Почти двенадцать. Отец ушёл с двумя сумками. Мама стояла у двери и всё повторяла, что мы потом поговорим. Никакого «потом» не было. В школу я на следующий день пошёл, как обычно. Учительница спросила, почему тетрадь не подписана.

Алина опустила глаза.

— Я знаю.

— Ты знаешь от меня.

— Да.

В этой короткой уступке было больше близости, чем в прежнем обмене про посылки. Константин подвинул к сестре кувшин, хотя у неё оставалось полстакана.

— Я не хочу, чтобы тебе теперь чужие люди рассказывали, как всё было прекрасно. Семья развалилась. Он в этом участвовал. А мама потом всю жизнь пыталась сделать вид, что справляется.

— Я не прошу говорить, что было прекрасно.

— Ты надеешься это услышать.

— Может быть, я сама скажу, на что надеюсь?

Инга вернулась, поставила воду и не села. Взяла пустую коробку, расправила дно. Аркадий был благодарен ей за этот обычный шум: разговор не оказался намертво заперт между пятью молчащими людьми.

— Вы говорите о расставании ваших родителей? — спросил он Константина.

— Да.

— Алина спрашивала о времени, когда у Натальи Леонидовны уже было отдельное жильё. Между этим сколько прошло?

— Много, — ответила Алина. — Я уже в школу ходила. Мне сейчас тридцать семь.

— Мне сорок восемь, — сказал Константин. — Разницу я помню. От того, что прошло много лет, мама другим человеком не стала.

Аркадий не стал возражать. Он не знал Наталью и не мог сказать, какой она была ни в первый год, ни в последний.

Семён тяжело выдохнул.

— Про брошенную семью я и сам говорил. Олег тогда не один был, и она замужем… В общем, нехорошо вышло.

— Вы это видели или вам рассказывали? — спросил Аркадий.

Семён посмотрел на него без удивления. Потом перевёл взгляд на Константина.

— Разрыва вашего я не видел. Ни с отцом вашим, ни с Натальей об этом не говорил. На узле рассказывали. Я повторял.

Константин потёр большой палец о край стакана.

— Но вы ведь знали.

— Знал, что разошлись. Остальное мне объяснили другие. А я объяснение запомнил вместе с событием.

Алина подняла голову.

— А у Людмилы Фёдоровны вы их видели сами?

— Вместе — да. И разговаривали с ними. Только я сейчас год начну подбирать и могу привязать не к тому. Надо с Людмилой сверить. Она их лучше меня знала, особенно позднее.

— Можно мне с ней поговорить?

— Спрошу.

— Я могу телефон взять у Инги, — сказала Алина. — Но не хочу звонить без предупреждения. Ей и так сейчас с рамкой неприятно.

— Рамка давно была её, — заметил Аркадий. — Она её получила в подарок.

— Я понимаю.

Константин повернулся к сестре:

— Давай сначала вернём вещи. Потом поговоришь спокойно, если ещё захочешь. Тебе незачем снова расстраиваться из-за мамы.

— Я из-за мамы и без вещей расстраиваюсь.

Он замолчал.

Алина собрала использованные салфетки в пакет и завязала ручки. Пальцы у неё двигались быстро, узел не поддавался; наконец она оставила его недотянутым.

— Папа умер семь лет назад. Мама — три. Я всё это время спрашиваю тебя. Ты отвечаешь, я слышу. Но у мамы были люди, которых я почти не знала. Они не обязаны рассказывать то же самое.

— И не обязаны говорить правду, — сказал Константин.

— Поэтому я не к одному человеку хочу пойти.

Семён кивнул, но ничего не добавил. Аркадий почувствовал облегчение от того, что тот не стал тут же обещать ей правду за всех знакомых.

Инга прижала коробку коленом, добиваясь, чтобы сгиб лёг на место.

— Я вас ещё на пять минут задержу. Не для разговора. Там покрывало надо с верхней полки снять, я до него не дотягиваюсь. А потом мне ехать за смесителем.

Константин встал первым.

— Сейчас.

Алина поднялась следом.

— Я подпишу последний пакет, и всё.

Они вошли в дом вместе. Сначала оттуда донеслось Константиново: «Не тяни, зацепилось», потом Алино: «Я вижу где», а затем короткий смех Инги — покрывало вынули с одинокой плечевой накладкой, которую никто не смог опознать.

У калитки Константин спросил, во сколько в субботу ждать машину. Инга объяснила: после четырёх, утром перевозчик подтвердит выезд.

— Если будет нужна пара рук, я здесь буду, — сказал он.

— Нужна, — ответил Аркадий. — Только двери заранее снимать не станем.

— Договорились.

Константин взял сестрину сумку. На этот раз она отдала её без возражений, оставив себе телефон.

— Если Людмила Фёдоровна согласится, пусть сама выберет время, — сказала Алина Семёну. — Я подстроюсь.

— Позвоню ей. Твой номер Инга передаст?

Алина продиктовала номер сама и дождалась, пока Семён его сохранит. Константин стоял рядом, глядя на оставленный у калитки картон.

Потом они ушли к воротам. На узком месте он пропустил сестру вперёд и придержал за край ветку, чтобы та не задела её по лицу.

***

До поворота Семён молчал. Аркадий нёс два обрезка картона, не подошедших к зеркалу; Семён — свою палку и сложенную куртку. После тесной комнаты идти было приятно, хотя под подошвами липла земля: утром здесь поливали молодую изгородь, и часть воды ушла на дорожку.

— Я ведь это говорил не только тебе, — произнёс наконец Семён.

— Что именно?

— Про семью. Что он её увёл, а потом она от него всю жизнь мучилась. Первое ещё откуда-то пошло. Второе я уже сам пристегнул.

Аркадий остановился, пропуская женщину с тачкой. На тачке лежала новая ванна для рассады, и Семён придержал рукав, чтобы не зацепить край.

— Сегодня вы сказали, чего не видели.

— Сегодня сказал. А раньше люди слушали. Я же Олега знал. Для них всё одним куском было: раз знал, значит, и это знаю.

— У меня в воскресной записи только про значки и встречи. Семейного объяснения нет.

— Хорошо, что нет.

Они свернули к синему дому. Под карнизом стояла полка Аркадия; на нижней перекладине сохла полоска земли, попавшая туда при перевозке. Семён глянул на неё, но о продаже не спросил.

Аркадий поставил картон в сарай и открыл дверь пристройки. Вера сидела за столом у окна с книгой. Они договорились, что она зайдёт после своих дел; оставленная для неё чашка ещё была пустой.

— Успели? — спросила она.

— Почти. Последнюю полку Инга сама освободит.

— Тогда руки мойте. Я хлеб принесла, но резать за вас не стала.

Семён прислонил палку к стене.

— Мне бы лист бумаги. Пока не забыл, чего не помню.

Вера закрыла книгу. Аркадий вымыл руки, достал из ящика несколько листов и сел напротив Семёна. Тот долго искал очки в куртке, хотя они лежали в нагрудном кармане рубашки.

— Не надо большую таблицу, — предупредил он.

— Не буду.

— Я сам напишу. Ты только спроси, если опять полезу не туда.

Сначала появились значки: мастерская, два посещения, работа за столом. Семён дописал, что точных лет не помнит. Затем — приезды к тётке Инги. Здесь он остановился.

— Про шкаф тётки — не видел. Она говорила. Это отдельно.

Аркадий подвинул второй лист, но Семён отодвинул его обратно.

— На одном уместится. Просто ниже.

Вера налила воду в чайник. Пока он нагревался, Семён записал встречу у Рощиной и оставил место для года.

— Что тогда происходило, пока не стану расписывать. Я могу два вечера соединить. Людмила скажет своё, потом сравним.

— Лучше сначала ей свой вечер не подсказывать, — сказал Аркадий.

— Знаю. Спрошу, помнит ли, когда я у неё с ними сидел.

Под чертой Семён написал: «О разводе — со слов на работе». Подумал и добавил: «Кто первый сказал, не помню».

— А вот про то, что она терпела, — сказал он, — я не знаю, куда. Мне никто её слов таких не передавал. Это уже мы сами решили.

Он взял фразу в скобки и рядом написал: «Не могу подтвердить».

Аркадий не стал предлагать более аккуратную формулировку. Семён прочитал свой лист, сложил вдвое и достал телефон.

Рощина ответила не сразу. Он говорил коротко, без прежней уверенной вступительной речи о том, кто кому должен помочь.

— Люда, дочь Натальи приехала. Алина. Хочет поговорить… Нет, я ничего за тебя не обещал. Номер можно ей дать? Или ты сама наберёшь?

Он выслушал ответ, записал что-то на сгибе листа.

— Хорошо. Передам только номер. Сегодня не обязательно. Как тебе удобно.

После звонка Семён показал Аркадию запись:

— Согласна, чтобы Алина позвонила завтра после шести. Дома у неё дела, до этого не надо. Про книги посмотрит, что найдёт.

Он отправил Алине сообщение и спрятал телефон.

— Чай будешь? — спросила Вера.

— Нет. Я домой. У меня картошка замочена с утра, я про неё вспомнил у шкафа. Теперь надо довести дело до еды.

Аркадий проводил его к калитке. Семён остановился возле полки, провёл ладонью по верхней доске, но ничего не поправил.

— Хороший он работник был, Олег. И помочь мог без разговоров.

— Это вы видели.

— Видел. Только для того мальчишки, который с неподписанной тетрадью пошёл в школу, от этого легче не стало.

Аркадий кивнул. Семён забрал палку поудобнее и пошёл домой, обходя мокрый край дороги.

Когда Аркадий вернулся, Вера уже нарезала хлеб. Рядом лежали её листы с описаниями книг, но она убрала их, освобождая место для тарелки.

— Алина что-нибудь новое про надписи знает? — спросила она.

— Не спрашивали. Она хочет говорить с теми, кто помнит Наталью позднее. Когда та уже жила отдельно. Брат считает, что объяснять там нечего.

— А вы?

Аркадий сел.

— Мне хотелось, чтобы ей дали договорить.

— Это понятно.

— И хотелось пообещать, что разберёмся.

Вера поставила перед ним чашку.

— С книгами можно разбираться. Когда подарены, кому, от кого. Если получится прочесть и подтвердить. Только дата на книге не объяснит, почему человек снова пришёл к другому.

— Даже если книг несколько?

— Тогда будет несколько событий. Может быть, важная последовательность. Но не ответ на всё.

Он отломил кусок хлеба и положил обратно на тарелку. В саду за окном кто-то запустил триммер; звук приблизился к забору, затем ушёл дальше.

— Я её почти не знаю, — сказал Аркадий. — А уже считаю, что ей нужно помочь получить всё, что осталось. Легко сочувствовать тому, кто просит показать. Тот, кто не хочет показывать, сразу кажется помехой.

— Людмила Фёдоровна вам уже кое-что объяснила.

— Объяснила.

Вера не продолжила за него. Достала масло, села рядом.

— Завтра сверю с Рощиной то, что она сама найдёт. Пока без общего разговора. Агеев обещал ещё снимок, но сегодня не прислал. Значит, подожду.

— Алине написать, что вы этим занимаетесь?

— Можно сказать, что проверяем описания пропавших книг. Остальное я с ней сама обсужу, если обратится.

— Хорошо.

На телефоне появилось сообщение Галины: она просила подтвердить, будут ли в субботу две коробки для обмена, и спрашивала, не добавить ли к объявлению просьбу откликнуться всем, кто знал Серебрякову и Зимина.

Аркадий передал телефон Вере. Та прочла.

— Про коробки отвечу. А семейный поиск пока в объявление не надо.

Он написал Галине сам: две коробки остаются; общую просьбу о знакомых пока не публиковать, люди договариваются о личных разговорах. Галина ответила коротким «поняла» и прислала исправленное время начала распродажи.

Аркадий открыл блокнот. Рядом с именем Натальи было свободное место. Он записал вопрос Алины: «Встречались ли с Олегом после переезда в отдельное жильё? Когда?» Ниже — имя Рощиной и согласованное время звонка.

Из дома Инги он принёс меньше определённости, чем рассчитывал. Зато теперь знал, о каком промежутке спрашивать, не подставляя в него ни чужое несчастье, ни обещанное счастье.

Вера отодвинула блокнот от края стола, чтобы поставить тарелку.

— В субботу полку опять повезёте?

— Повезу. Ценник нужно новый написать.

— Прежняя цена?

— Прежняя.

Он закрыл блокнот и взял хлеб. До субботы оставался день: надо было закончить обещанную сверку приложений, позвонить насчёт тележки и дать людям поговорить без него.

Глава 6. Цена собрания

Покупатель уже протянул деньги, когда Аркадий спросил, измерена ли кладовая.

— Там место есть, — сказал мужчина. — У меня сейчас коробки стоят.

— Коробки можно поставить иначе. Полку — не всегда.

— Я её у задней стенки. Давайте сюда.

Он отделил от сложенных купюр пятьсот рублей и полез за сотней. Аркадий денег не взял. На новом ценнике стояли все три размера, но мужчина прочёл только цену, кивнул и сразу позвал жену к калитке: «Нашёл».

Теперь жена ждала на дорожке с двумя купленными противнями.

— Вы нишу померили? — спросил у неё Аркадий.

— Он мерил.

— Я примерно, — сказал покупатель. — Там такая же была.

Аркадий достал рулетку. Полку они с Семёном привезли утром, снова на одолженной тележке. Ремень на этот раз не зажал ценник, и крючок ни за что не зацепился. Оставалось получить шестьсот рублей, освободить соседей от необходимости увозить полку обратно и не задавать лишних вопросов.

— Сорок шесть по наружному краю, — сказал он. — Уже не станет.

Мужчина набрал кого-то по телефону.

— Ты дома? Зайди в кладовку. Нет, ничего искать не надо. Между трубой и стенкой сколько?.. Да не ладонью.

Пока на другом конце искали сантиметр, его жена поставила противни на землю и подошла к столу с посудой. Аркадий сложил рулетку. Вторая суббота выдалась сухой, но ветер тянул из-под ценников бумагу, и Инга прижимала их всем, что не продавалось: камешками, пустыми банками, собственными очками.

— Сорок два, — сообщил мужчина.

— Тогда не подойдёт.

— А если боком?

Жена вернулась за противнями.

— Тогда мы туда боком не войдём.

Покупатель убрал деньги, ещё раз провёл ладонью по доске и ушёл. Аркадий поправил ценник. Полка осталась стоять пустой; проверять её устойчивость руками он сегодня никому не позволял — возле неё играли с найденной катушкой двое детей.

У Инги тем временем продали настольный вентилятор. Покупательница попросила включить его во второй раз, уже на другой скорости. Инга держала край скатерти, пока лопасти набирали ход.

— Работает, — сказала она. — Только голову сам не поворачивает. Надо рукой.

— Мне на кухню. Я там сама поворачиваюсь.

Деньги перешли из рук в руки. Инга записала сумму в тетрадь, а освободившееся место заняла стопкой простыней. Дом она разбирала частями: вчера освободила последнюю полку проданного шкафа, сегодня хотела закончить с бельём. До приезда будущих жильцов оставалось меньше времени, чем свободных углов.

Долин сидел за своим маленьким столом под навесом. Его чемодан стоял сбоку, у ножки. Перед ним женщина разворачивала сахарницу из полотенца; за её плечом ждали ещё двое.

Аркадий услышал слова «не по отдельности» и повернулся. Долин уже вернул сахарницу, но женщина не уходила: придерживала полотенце обеими руками, слушая ответ Инге.

— То есть вы думаете, всё это может стоить дороже? — спросила та.

— Я думаю, мы преждевременно рассматриваем каждую вещь как самостоятельную. Несколько разрозненных находок могут относиться к значимому частному собранию.

— Значки, рамка и салфетка? — переспросил Семён.

— И книги. Прежде всего нужно сопоставить происхождение. Иногда обычный предмет внутри подтверждённого комплекса получает совсем иную оценку.

Мужчина, до этого разглядывавший электробритву, положил её обратно.

— Насколько иную?

Долин снял очки и протёр переносицу.

— Цифру сейчас называть безответственно.

— Но не сто рублей?

— Я бы пока вообще отложил эти ценники.

Аркадий посмотрел на часы. Было без нескольких минут двенадцать. У оценочного стола стало тесно: к тем, кто ждал консультации, присоединились продавцы, а женщина с сахарницей осталась в середине.

— Что уже подтверждено? — спросил он.

Долин повернулся к нему без неудовольствия.

— Повторяются имена. Есть связь между прежними владельцами. Теперь нужны даты, обстоятельства передачи, изображения.

— Связь есть. А собрание?

— Это и предстоит выяснить.

— Кто-нибудь независимо оценивал?

— Аркадий Сергеевич, оценка — не голосование. Сначала я должен понять, что именно оцениваю.

Он сказал это спокойно, и несколько человек кивнули. Аркадий тоже не стал спорить с тем, что сначала нужно понять. Только высокая цена уже успела появиться в разговоре, а предмет, которому её собирались назначить, оставался неопределённым.

— Пропавшее нашли? — спросила Инга.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.